

ХАРАКТЕРИСТИКА

РУССКАГО И ПОЛЬСКАГО ЗАКОПОДАТЕЛСТВА О КРѢПОСТНОМЪ ПРАВѢ ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ МАЛОРОССІИ.

*Для малороссійскаго народа и одно вообра-
женіе — записаннымъ быть въ крѣпости, по
примеру великороссійскихъ крестьянъ —
ужасно и неспосно.*

Григорій Политика, депутатъ 1767 г.

I.

19 февраля исполнилось чаюніе миллионѣвъ русскаго народа, существовавшаго, нѣсколько столѣтій, подъ бременемъ неестественныхъ отношеній, устроенныхъ на опеку крѣпостнаго права. Съ уничтоженіемъ этого права навсегда, открылся, для цѣлаго сословія, путь къ благоденствію, которое немислимо, пока народъ лишень гражданскихъ правъ...

Но заключается ли въ законодательномъ прекращеніи крѣпостнаго права рѣшительное и полное торжество освобожденія? поставленъ ли имъ русскій народъ на вѣрномъ пути къ уравниенію правъ сословій, раздѣленныхъ, до-сихъ-поръ, силою исторіи? есть ли у насъ неоспоримыя гарантіи того, что при новыхъ, едва возникающихъ, отношеніяхъ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, образованность и промышленность найдутъ посреди русскаго народа всѣ условія для быстрого и правильного развитія, отъ котораго, и только отъ него одного, какъ доказали публицисты, зависитъ общность интересовъ гражданъ, безсиліе произвола, свобода и равенство передъ закономъ, и прочность національныхъ союзовъ? Говоря другими словами—такова

ли радость русскаго народа, получившаго свободу, по манифесту 19-го февраля, которой былъ бы приличенъ стихъ поэмы, воспѣвшей покореніе Трои, безпредѣльное торжество Ахейанъ и апотеозу могущества національнаго духа? или намъ ближе теперь гимнъ освобожденныхъ отъ рабства египетскаго Евреевъ, передъ которыми впереди были бѣдствія скитальчества въ пустынь, отступничество и забвеніе вождями о благѣ порученнаго имъ народа? Виравъ ли теперь филантропъ сказать: «днесъ отпускаеши раба твоего, по глаголу твоему, съ миромъ», и почить на лаврахъ, предоставивъ дѣло освобожденія его собственнымъ силамъ? Вотъ вопросы, которые были прежде закрыты фактомъ законнаго существованія крѣпостной зависимости и завѣсою историческихъ предразсудковъ, а теперь выступаютъ на первый планъ въ жизни русскаго народа, и неотступно ждуть своего разрѣшенія. Или землевладѣльцы,—разставшись безъ горечи и злобы съ своими привилегіями, благоразумно поймутъ настоящее положеніе свое посреди отсталой массы,—не станутъ антагонизмомъ своихъ эгоистическихъ интересовъ задерживать успѣховъ ея благосостоянія, соединеннаго съ развитіемъ матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей, и тогда исторія внутренней жизни народа пойдетъ быстрыми шагами впередъ, или же охраненіе дарованной Монархомъ свободы ляжетъ всею тяжестью своею на правительство, и въ такомъ случаѣ эманципація личности только медленнымъ и невѣрнымъ шагомъ будетъ пробиваться у насъ сквозь сѣти искусственной регламентаціи и репрессивныя мѣры, которыми она будетъ то полагать предѣлы своекорыстнымъ стремленіямъ одной стороны, то сдерживать нетерпѣливыя желанія другой. Пока еще это вопросы, на которые намъ отвѣтитъ будущее. Несомнѣнно одно, что «самый благотворный законъ, не можетъ сдѣлать людей благополучными, если они не потрутся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона». Довольство, по словамъ манифеста, пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною жизнію.

Положеніемъ 19 февраля уничтожены законы, поддерживавшіе крѣпостныя отношенія, и служившіе, конечно, важнымъ препятствіемъ къ развитію внутренней жизни общества. Всякій законъ имѣетъ своею задачею сообщить новому, имъ вводимому, или же существующему учрежденію логическую опредѣленность, или такую отвлеченную фор-

му институціи, отъ которой зависить удобство осуществленія и легкость возстановленія, при нарушеніяхъ, признаннаго права. Существованіе закона, какъ формы, указываетъ на содержаніе, на самое проявленіе его въ дѣйствительности. Если дѣйствительность русской жизни приняла въ себя учрежденіе, подобное крѣпостному праву, не сокрушила его съ перваго начала всею силою неблагопріятствующихъ ему условій, и сохранила цѣлыя столѣтія это мертвящее начало, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ нашемъ обществѣ есть стихіи, вызвавшія и поддерживавшія крѣпостное право. Отмѣнить законъ—значить уничтожить форму права, отнять у него тѣ гарантіи, которыя онъ сообщалъ обычаю своею опредѣляющею и охраняющею силою, слѣдовательно ослабить дѣйствіе элементовъ, враждебныхъ развитію общества на началахъ свободы и справедливости. Но уничтоживъ законъ закрѣпляющій, далеко нельзя разъ навсегда покончить съ самимъ источникомъ крѣпостнаго права, съ тѣми недостатками общественнаго организма, которые привели Русское государство къ раздѣленію его подданныхъ на полноправныхъ гражданъ и имъ подвластныхъ, къ привилегированному положенію однихъ на счетъ другихъ и къ безличному, *de facto* и *de jure*, существованію массы. Правительство, отмѣняющее законы о крѣпостномъ правѣ, дѣйствуетъ настолько, насколько, въ прежнее время, отъ его же власти происходило утвержденіе и охраненіе, своими постановленіями, дурнаго учрежденія.

II.

Сохранившіеся съ XV в. историческіе памятники даютъ возможность прослѣдить исторію введенія въ Южной Руси крѣпостнаго права, первый разъ подъ покровительствомъ польскихъ законовъ и во второй по присоединеніи ея къ Московскому государству.

Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи крѣпостное право явилось результатомъ антинациональныхъ стремленій шляхты и бояръ, которые, по своему общественному положенію и по власти дѣйствовать на народъ, взяли на себя обязанность устранивать общественное благо, но, вмѣсто того, отдались заботѣ о своихъ частныхъ интересахъ, и, для достиженія собственныхъ выгодъ, считали всякія средства позволенными. Главною пружиною на этомъ пути были подзаконныя дѣйствія,—и потому насилие и произволъ, ограничивавшіе мало-по-малу права земледѣльцевъ, всегда предшествовали изданію ограничительныхъ законовъ, которые являлись на готовую почву частнаго деспотизма и безправія.

Литовско-русскіе землевладѣльцы, подѣ властію Рѣчи-Посполитой, держались, въ этомъ отношеніи, корпоративной связи, дѣйствовали энергичнѣе и зашли, въ дѣлѣ юридическаго уничтоженія личности подвластнаго земледѣльца, гораздо далѣе, чѣмъ козацкіе старшины, переименованные внослѣдствіи въ русскіе дворянство. Образцомъ заговора первыхъ на свободу земледѣльцевъ можетъ служить напечатанный въ I томѣ *Памятниковъ кievской комисіи* уставъ о *людяхъ похожихъ*, въ воеводствахъ Полоцкомъ и Витебскомъ 1531 г. Въ уставѣ этомъ, землевладѣльцы, желая прекратить неправоустроенные переходы отъ одного вотчинника къ другому людей, называвшихся тогда вольными или похожими, опредѣляютъ условія, на которыхъ можно принимать такихъ людей, и обезпечиваютъ исполненіе ихъ штрафомъ, которому долженъ подвергнуться тотъ, кто станетъ принимать или водворять ихъ, довольствуясь болѣе легкими повинностями. Король подтвердилъ это постановленіе въ 1563 г., и, въ угоду землевладѣльцамъ, приказалъ обложить, въ своихъ имѣніяхъ витебскаго повѣта, похожихъ людей такими повинностями, какія установили землевладѣльцы, и наконецъ только въ третьемъ литовскомъ статутѣ (разд. X, арт. 12) явился законъ, который ограничивалъ право перехода похожихъ людей, называвшихся *вольными*, въ противоположность оичнымъ людямъ, или поданнымъ.

Козацкіе старшины дѣйствовали въ-одиночку, безъ сеймовъ и сеймиковъ, безъ духа корпораціи и надменнаго величія, заимствованнаго изъ феодализма Западной Европы и перенесеннаго на почву шляхетской Польской Рѣчи-Посполитой. Употребляя въ своемъ официальномъ языкѣ скромныя названія низжайшихъ подданныхъ, вѣчныхъ рабовъ и царскаго подножія, и не ища, по ихъ словамъ, въ своихъ сношеніяхъ съ московскимъ и петербургскимъ дворомъ ничего болѣе, кромѣ царской милости, они, въ то же время себя не забывали и, какъ показали послѣдующія событія, не уступали литовско-русской шляхтѣ въ корыстолюбивой настойчивости сдѣлать посполитыхъ людей своими безплатными работниками. Послѣ возстанія и переворота, совершившагося въ Южной Руси, подѣ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, рушились все ограниченія свободы украинскаго земледѣльца, и ему открылся свободный путь къ пріобрѣтенію тѣхъ личныхъ и имущественныхъ правъ, которыми пользовались козаки и шляхта. Вмѣстѣ съ другими сословіями, призывалось грамотами русскіхъ государей къ избранію гетмановъ и малороссійское посольство. Оно участвовало на *радахъ*, отчего

послѣднія назывались *черными* или *черневыми*. Не было законнаго ограниченія личныхъ правъ крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ, жалованныхъ гетманами съ утвержденія государей, въ вѣчность, и отдававшихся гетманами во временное владѣніе, для исправленія службы, по тогдашнему выраженію — «*до ласки ко wsparciu, къ вспоможенію дома*». Въ указахъ о производствѣ первыхъ ревизій въ великороссійскихъ губерніяхъ и московской Украйнѣ, выраженіе «*человѣкъ малороссійской породы*» принималось за синонимъ свободнаго человѣка. Малороссіянъ, переселившихся въ великороссійскія губерніи и на земли московской Украины, запрещалось записывать въ окладъ за помѣщиками и въ дворянскихъ селахъ, а самовольно поселившихся предписывалось выселять на прежнія мѣста ⁽¹⁾. Первое ограниченіе права свободнаго перехода посполитыхъ крестьянъ заключается въ указѣ 10 декабря 1763 г. (Полн. Собр., 11, 987). Въ указѣ этомъ говорится, что посполитые, частыми переходами съ мѣста на мѣсто, подвергаютъ себя крайнему разоренію и нищенству; посему, *для ихъ добра и покоя*, предписано пребывать имъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застанетъ ихъ указъ. А если кто изъ нихъ захочетъ перейти, то поступать имъ на точномъ основаніи правъ малороссійскихъ, въ статутѣ литовскомъ изображенныхъ, т. е. чтобы никто изъ владѣльцевъ не принималъ посполитаго человѣка безъ письменнаго отпуска отъ того, за кѣмъ онъ прежде жилъ. Въ случаѣ отказа владѣльца выдать такой отпускъ, оставляющій его долженъ былъ дѣлать объявленіе о своемъ переходѣ въ ближнихъ судахъ, на основаніи разд. 12, арт. 24. Такимъ образомъ, въ 1763 г., малороссійскіе посполитые крестьяне были поставлены въ тѣ отношенія зависимости отъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ находились, по статуту, *вольные люди*. Но укрѣпленія, соответствующаго состоянію *ойчистыхъ* людей литовскаго статута, или сословію *людей* (холопей) и *крестьянъ*, по уложенію царя Алексѣя Михайловича, въ Малороссіи не было до указа 3 мая 1783 г., которымъ безусловно воспрещено посполитымъ крестьянамъ переходъ съ мѣста на мѣсто.

И такъ, крѣпостное право въ Малороссіи, какъ доказываютъ официальные документы, косвенно признано русскимъ законодательствомъ только во второй половинѣ XVIII столѣтія; но крѣпостная зависимость, *паны* и *подданные*, существовали на дѣлѣ еще задолго до изданія тѣхъ указовъ, которыми ограничено и отнято у посполитыхъ право пе-

(1) Полное Собр. Зак., ук. 1736 г. (6891) и 1738 г. (7388).

перехода. Малороссійскіе старшины, хранившіе въ своей памяти идеаль польскаго государственнаго порядка, устраиали быть земледѣльцевъ, по выгодной для нихъ мѣркѣ литовскаго статута. Дошедшее по преданію онеки начало замевладѣльцевъ надъ замедѣльцами, въ духѣ польскихъ учреждений, господствовало въ малороссійскомъ обществѣ XVII и XVIII столѣтій, подчиняло себѣ дѣйствительную жизнь, и переносилось въ офиціальныя языки, не нуждаясь ни въ какихъ новыхъ законодательныхъ опредѣленіяхъ. Такимъ-образомъ, въ универсалахъ и грамотахъ о пожалованіи селъ обыкновенно писалось: «опредѣляемъ села и якіе въ оныхъ имѣются дворы», — чѣмъ устранялось, по началамъ польскаго права, право на землю посполитыхъ, живущихъ въ этихъ дворахъ. Въ тѣхъ же актахъ пожалованія употреблялось выраженіе: «*Войты, зась, съ посполитыми людьми (опричь козаковъ, которіи при своихъ вольностяхъ имѣють ыти непорушимо захованы)* отдавали-бъ подданческую повинность и послушенство безъ всякой противности». Этою мѣрою опредѣленіе повинностей посполитыхъ поставлялось въ зависимость не отъ свободнаго договора ихъ съ владѣльцемъ земли, на которой они сидѣли, а отъ обычая и возможности произвольнаго нарушенія его со стороны сильныхъ ⁽¹⁾.

При такомъ стѣсненіи *de facto* гражданскихъ правъ посполитыхъ, было совершенно естественнымъ явленіемъ, тоже перешедшее по преданію отъ польско-русской шляхты, стремленіе малороссійскихъ землевладѣльцевъ XVIII вѣка—отнять у посполитыхъ право перехода, быть-можетъ, одно остававшееся у нихъ средство противодѣйствовать жестокости и несправедливому вымогательству сребролюбиваго пана. И вотъ стихотворецъ Климентій еще во время гетмана Мазены пазываетъ посполитыхъ, выходящихъ на слободы, бунтовщиками противъ своихъ пановъ, и совѣтуя послѣднимъ истязать непослушныхъ, говорить это не какъ книжникъ, разобщенный съ жизнью, но имѣть, безъ всякаго сомнѣнія, передъ глазами живую дѣйствительность, въ чемъ ручаются и характеръ стихотвореній, и скитальческая жизнь автора, посреди малороссійскихъ простолюдиновъ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ есть также свидѣтельства о томъ, что, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, производились, въ большомъ числѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ, дѣла о *привлащеніи* (завладѣніи) въ Малороссіи *значными*, или *старшинами*, козаковъ съ ихъ землями ⁽²⁾.

(1) Универсалы гетмана Апостола, въ матеріалахъ для отечественной исторіи, г. Судіенка, стр. 64 и 66.

(2) Ук. 1725 г. (4631) и 1738 г. (7327). Для такого *привлащенія* существо-

Свидѣтельства современниковъ, изображающія своекорыстное стремленіе малороссійскихъ старшинъ къ приобрѣтенію и неразборчивость ихъ въ средствахъ, которыя они употребляли при захватѣ войсковыхъ земель, исполнены столь рѣзкихъ чертъ, что нельзя не видѣть въ нихъ направленія всего высшаго сословія въ Малороссіи. Замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи докладъ гетмана Разумовскаго правительствующему сенату (Полн. Собр., 1763 г. 11812) о необходимости разбирательства слѣдствіемъ многочисленныхъ споровъ о земляхъ. Многія лица, имѣвшія земли во временномъ пожалованіи отъ гетмана, испрашивали на нихъ царскія грамоты, безъ вѣдома гетмана, вопреки основнымъ статьямъ о присоединеніи Малороссіи, да притомъ и самыя грамоты эти оказывались сомнительными. Земли, временно-пожалованныя, передавались въ другія руки, по наслѣдству, по куплѣ и другими способами. Полковники, не имѣя никакого права раздавать войсковыя земли, выдавали на нихъ универсалы, по своему усмотрѣнію, а иногда, сложивъ на время свое полковничество, подъ видомъ болѣзни или подъ какимъ-нибудь другимъ предлогомъ, и учредивъ на то время полковника *наказного*, получали отъ послѣдняго себѣ на дачу деревни, а потомъ возвращались опять къ своему полковничеству. Кромѣ того, они брали уступки на земли въ войсковыхъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ отъ громады, т. е. отъ всѣхъ живущихъ въ ней козаковъ и мужиковъ, съ засвидѣтельствованіемъ священника, будто-бы за подаваніе въ церковь (которое состояло иногда въ однѣхъ крашениннихъ ризахъ). Такимъ образомъ, объясняетъ гетманъ, отобранны у козаковъ и мужиковъ многія земли, лѣса, озера и проч., а о нападѣ такихъ угодій сама громада, яко простолюдины неграмотныя, свѣдома никакого не имѣютъ.

III.

Въ закрѣпленіи земледѣльцевъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Велико-россіи, виноваты главнымъ образомъ дворяне, которымъ оно было нужно, какъ мѣра, благопріятствовавшая, при тогдашней малонаселенности,

важъ терминъ, занятый отъ Поляковъ: о привлекаемыхъ говорилось, что они поступаютъ въ *протекцію*. Напримѣръ, въ описаніи имѣній, принадлежащихъ гетману Данилу Апостолу по с. Марчихиной Будѣ, прих. Лосиленскомъ, показанъ житель Григорій Несинъ, о которомъ говорится, что онъ имѣетъ купленный козацкій дворъ, и, живучи въ протекціи гетмана, платитъ рублей 8, а прошедшаго 733 г. принять въ *компутъ козацкій*, и чиншу козакуючи не платитъ. (Матеріалы для отеч. исторіи, г. Судѣнка, т. I, стр. 30).

устройству большихъ хозяйствъ, и которые одни пожинали плоды юридическаго уничтоженія личности простолюдина. Положительная сторона ихъ вины заключалась въ вещественномъ и нравственномъ насилии надъ меньшими братьями, (которые терпѣли отъ нихъ *de facto* и *de jure*, на основаніи испрошенныхъ у правительства привилегій), и отрицательная— въ томъ, что дворяне ничего не сдѣлали, для улучшенія участи себѣ подвластныхъ; что, расточая свои матеріальныя средства, по внушенію суетности и сословнаго тщеславія, они забывали о благоразумномъ употребленіи этихъ средствъ, — а это одно, безъ всякихъ законодательныхъ и правительственныхъ мѣръ, могло привести общество къ устройству правильныхъ экономическихъ отношеній, основанныхъ на взаимной пользѣ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ. Виноваты, конечно, и крестьяне: безъ нравственныхъ пороковъ въ крестьянствѣ и крѣпостное право не могло бы найти мѣста въ юридической сферѣ нашего общества. Наконецъ, виноваты также прежнія феодально-правительственныя системы: правительства обвиняются за ихъ вѣру во всемогущество административныхъ мѣръ, за легкомысленное подчиненіе лица государству, за обольстительныя предположенія, что опекою можно создать народный трудъ, обезпеченіе личныхъ и имущественныхъ правъ, умственную жизнь и благосостояніе подданныхъ; что, поручая сотни и тысячи людей безграничной опеке одного лица, будетъ ли оно челоуѣкъ призванный для публичной дѣятельности, или учредитель фабрики, можно соблюсти общественную пользу, оставить подвластнымъ неприкосновенною нѣкоторую долю ихъ правъ, и подвинуть ихъ мѣрою ограниченія къ благоразумному и энергическому употребленію того, что у нихъ осталось. Въ настоящее время вѣра въ могущество воспитательной дѣятельности правительствъ и въ состоятельность сильной административной централизаціи мало—помалу слабѣетъ, благодаря болѣе точнымъ изслѣдованіямъ государственныхъ наукъ и публицистикѣ. Теперь иные виды и желанія должны руководить законодательною и правительственною дѣятельностію европейскихъ государствъ, если они хотятъ развитія нравственныхъ и экономическихъ силъ народа. Но какъ ни велики передъ судомъ исторіи ошибки правительствъ, допустившихъ законное существованіе величайшей изъ несправедливостей, было бы несправедливо винить только ихъ, за то, что они не создали гарантій личныхъ и имущественныхъ правъ, что они попустили насилие и произволъ, сперва не юридическіе, а потомъ облекшіеся въ форму крѣпостнаго права, и что, въ минуту уничтоже-

нія закона о крестьянахъ, сфера гражданскихъ отношеній общества представляется несвободною отъ тѣхъ недостатковъ, которые составляютъ препятствіе успѣхамъ благосостоянія. Ошибка подобныхъ мнѣній заключается въ ложномъ пониманіи задачи правительственной дѣятельности, а источникъ ихъ—въ избаловавшей европейскія общества государственной опеѣ, въ наклонности требовать отъ государства того, что мы сами должны для себя дѣлать.

Руководящее начало всякой правительственной дѣятельности должно состоять въ *охраненіи общественнаго благосостоянія и способствованіи ему*. Правительство дѣйствуетъ для благосостоянія всѣхъ членовъ общества вмѣстѣ, а не каждаго въ отдѣльности; частное же право принадлежитъ частнымъ лицамъ, какъ ихъ личное состояніе, а не въ качествѣ подданныхъ государства. Отстаивать свое частное право и защищать его отъ несправедливости составляетъ обязанность каждаго. Только приносящему жалобу на нарушителя гражданскихъ правъ дается судъ и справедливое возстановленіе нарушеннаго права. Государство, въ отношеніи суда, не измѣняя характера своей правительственной дѣятельности, устраняетъ только препятствія правосудія, беретъ на себя попеченіе о томъ, чтобы доставить частнымъ лицамъ, учрежденіемъ судовъ, повѣренныхъ, адвокатовъ и пр., возможность приносить жалобы и возстановлять нарушенное право путемъ судебного рѣшенія и полицейскимъ, въ случаѣ надобности, принужденіемъ къ исполненію его. Но самой защиты права суда правительство не принимаетъ на себя и относитъ ее къ индивидуальной сферѣ права. Посему обезпеченность личныхъ и имущественныхъ правъ возможна только тамъ, гдѣ отдѣльные члены общества, понявъ истинную цѣну своихъ частныхъ правъ, привыкли видѣть въ правосудіи обезпеченіе ихъ частнаго и общественнаго блага, дорожатъ имъ, и умѣютъ поставить судебные органы подъ контроль общественнаго мнѣнія, которое одно только и можетъ создать изъ нихъ истинныхъ служителей правды. Такое отношеніе общества къ суду требуетъ сознанія своихъ гражданскихъ правъ, умственного развитія и энергіи общественной дѣятельности. Всѣхъ этихъ условій не доставало Малороссіи въ концѣ XVI вѣка, въ эпоху окончательнаго развитія крѣпостнаго права въ Польшѣ, и въ прошломъ столѣтіи, когда крѣпостное право въ другой разъ было признано уже русскимъ правительствомъ. Между тѣмъ и другимъ укрѣпленіемъ разница только въ томъ, что противъ перваго крестьяне могли возстать и произвести переворотъ сни-

зу, — что, впрочем, не принесло, какъ послѣдствія показали, желанной пользы; а подѣ гнетомъ послѣдняго укрѣпленія, они оставались, пораженные, въ безмолвномъ спокойствіи, но съ глубокою печалью въ сердцахъ, до тѣхъ — поръ, пока правительство отмѣнило несправедливый законъ, и законодательнымъ актомъ даровало имъ то, чего ихъ предки добивались путемъ кровавой рѣзни. Трудно сказать, чѣмъ было бы южнорусское общество въ такомъ случаѣ, когда бы польскіе короли были въ силахъ остановить во-время гибельное распространеніе привилегій шляхты и предупредить переворотъ отмѣною законовъ, утвердившихъ крѣпостное право. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что украинскій народъ, обѣдѣвшій и изнеможенный вслѣдствіе кровавыхъ войнъ XVII столѣтія, не въ силахъ былъ вступить на путь самостоятельнаго развитія и выработать собственными средствами тѣ гарантіи частныхъ правъ, которыя служатъ основою общественнаго благосостоянія. Безсильны были въ этомъ отношеніи нравственно-усталые и доведенные до крайней апатіи тѣ изъ простолюдиновъ, которые, по свидѣтельству современниковъ, приготавливали на зиму хлѣбъ въ такомъ только количествѣ, какое необходимо было для ихъ продовольствія, оставляли его въ хорошее лѣто несжатымъ, а, въ случаѣ голода, отдавались въ работу и подданство тому, кто не забывалъ оставлять запасы на черный день. Правительственное установленіе крѣпостнаго права, при такомъ жалкомъ состояніи общества, не могло имѣть большого значенія. Насиліе и произволъ могли дѣлать сами-собою то, что и сдѣлали. И не будь указа 3 мая 1783 г. о воспрещеніи *посполитымъ* перехода, крѣпостное право хотя не имѣло бы характера публичнаго установленія, но при безграничномъ могуществѣ произвола на одной сторонѣ, — при нищетѣ, вещественномъ и нравственномъ безсиліи — на другой, отношенія угнетенныхъ и ихъ угнетателей, и подѣ другимъ, какимъ угодно, именемъ все-таки были бы безчеловѣчны, и успѣшно развязать ихъ можно было бы только преобразованіемъ, съ примиряющимъ характеромъ правительственной мѣры. Остановить развитіе неестественныхъ отношеній могло одно высшее сословіе, которому, по образованію и общественному положенію, принадлежала передовая роль. Удерживаясь отъ злоупотребленія власти, отъ притѣвленія тѣхъ, которые не умѣли и не могли себя защищать, оно не заслужило бы обвиненія исторіи въ распространеніи нищеты, не помѣшало бы развитію въ народѣ довольства и умственной жизни. Но козацкіе старшины

и малороссійскіе дворяне не были воодушевлены патріотическими желаніями, не сдѣлали, до послѣдняго времени, ничего, что давало бы имъ право на признательность потомства, и такимъ образомъ, простой народъ, оставленный внѣ всякаго общественнаго движенія, вступаетъ на новый путь жизни, безъ яснаго пониманія своихъ личныхъ правъ и умѣнія благоразумно употреблять и охранять ихъ.

IV.

Въ Польшѣ, крѣпостная зависимость, какъ институція публичнаго права, въ XVI вѣкѣ, достигла формальной опредѣленности и догматической полноты. Все населеніе государства дѣлилось на шляхетское и не-шляхетское. Первое владѣло землею на земскомъ правѣ, и отправляло военную службу; второе платило подати, не могло владѣть участкомъ земли, превышающимъ опредѣленный, очень умѣренный, размѣръ; не имѣло права дѣлать *осады* (поселенія), такъ-какъ этимъ правомъ пользовались только тѣ, которые, по выраженію польскаго права, получали отъ короля шляхетскую вольность, и *осадники* на *грунтѣ* (землѣ) податнаго человѣка обязанъ были исполнять повинности ⁽¹⁾. Податные, по польскимъ законамъ, не пользовались правомъ государственной службы и не имѣли мѣста въ войскахъ; имъ запрещалось владѣть по куплѣ и закладной, и вновь приобрѣтать сѣла, мѣстечки и другія имѣнія, состоящія на земскомъ правѣ. Въ уставѣ о *волокахъ*, *ревицерская инструкція* предписываетъ измѣрить все земли, купленные крестьянами и *заставныя*, потому-что крестьянинъ и все его имущество принадлежать королю. Крестьяне — *клипти* не имѣли права оставлять земли, на которой сидѣли; въ противномъ случаѣ, они должны быть безусловно возвращаемы на мѣсто жительства, какъ бѣглые ⁽²⁾. Въ Литовскомъ Статутѣ (ст. III, разд. X, арт. 13), говорится: Вольный человѣкъ простаго стану, который, сѣвши на чьемъ-либо грунтѣ, высидитъ на немъ 40 лѣтъ, а потомъ захочетъ отойти, онъ самъ, или дѣти его, обязанъ заплатить полученное имъ (отъ землевладѣльца) вспомошествованіе и еще десять копѣ. Но если онъ уй-

(1) Мацѣвскаго *Historja Prawodawstw Słowiańskich*, т. II, стр. 136—140 и въ Полю. Собр. Зак. указъ прав. сен. 1784 г. (13,907).

(2) *Si quis alicui acciperet Kmethonem possessionatum, vel haeredem.... Vol. Legum. 1344 г., т. I, стр. 373.*

детъ безъ позволенія пана, то послѣдній можетъ отыскивать его въ теченіи 10 лѣтъ, — и, по отысканіи, бѣжавшій становится его подданнымъ, отчичемъ. Крестьяне не выравъ были имѣть, въ судебныхъ мѣстахъ, хожденіе по дѣламъ, помимо своихъ помѣщиковъ, которые за нихъ во всемъ отвѣчаютъ и защищаютъ ихъ передъ судомъ. Они подлежали суду духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ своихъ, которые имѣли право подвергать ихъ всякимъ наказаніямъ и даже лишать жизни ⁽¹⁾. Крестьяне королевскіе подлежали суду старостъ, державцевъ и тиуновъ, которымъ поручены королевскія имѣнія. Судопроизводство это составляло изъятіе изъ земскаго права. Высшею инстанціею, для разбора споровъ между державцами и поселянами, были суды референдарскіе при особѣ короля ⁽²⁾. Человѣкъ простаго стану, за убійство шляхтича, подвергался *квалификацированной* казни, что ставило это преступленіе наравнѣ съ *parricidium*. За убійство шляхтичемъ хлопа, третій литовскій статутъ опредѣляетъ убійцѣ смертную казнь; по прежнимъ же статутамъ, и вообще по господствовавшему, въ то время, взгляду польскаго права, убійство наказывалось *головщиною* и тюремнымъ заключеніемъ. Но доказательство убійства статутъ литовскій вообще затруднялъ требованіемъ свидѣтельства шестерыхъ шляхтичей, а при недостаткѣ ихъ, позванный къ отвѣту шляхтичъ могъ выполнить самъ—третей очистительную присягу ⁽³⁾. Изъ податныхъ лучшимъ положеніемъ пользовались *мѣщане*, жители городовъ, пожалованнымъ магдебургскимъ правомъ. Владѣя городскими имѣніями, они имѣли свои общественные суды и расправу, но не пользовались политическими правами, и, составляя изъятіе изъ земства, не могли владѣть землею на земскомъ правѣ. Проведенная законодательствомъ грань, между людьми шляхетскаго и нешляхетскаго стану, была, кажется, непроходимую и не допускала никакихъ сближеній ни во имя семейныхъ связей, ни ради однородныхъ занятій шляхтича и посполитаго. Такимъ образомъ, вдова шляхетскаго стану, выходя замужъ, безъ воли родственниковъ, за человѣка простаго стану, нешляхтича, навсегда теряла свое достоинствѣ, не только то, которое далъ ей мужъ, но и свое приданое. Шляхтичъ, который, поселяв-

(1) Рехневскій, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, май 1838 г.

(2) Herbarz, Нѣсецкаго.

(3) *Dzieła Tadeusza Czackiego* т. II, стр. 203.

шись въ городѣ, сталъ бы производить торгъ, держать шинокъ, мѣ-
рять *локтемъ*, или отправлять ремесло, терялъ свое шляхетство.

Для козаковъ, земледѣльцевъ, отправлявшихъ военную службу (занятіе привилегированнаго сословія), польское законодательство не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи изъятія, хотя, находясь на службѣ, они, пока принадлежали къ своей военной корпораціи, пользовались особымъ войсковымъ правомъ. Но въ домахъ своихъ, они и ихъ семейства тѣ же подданные. Сообразно съ этимъ, въ эпоху козацкихъ войнъ, Рѣчь Посполитая, въ договорахъ своихъ съ козаками, то признавала, то не признавала право ихъ на грунты, смотря потому, на чьей сторонѣ было счастье оружія. Напр., въ урочищѣ на Масловомъ-Бродѣ, приказано возвратитъ козакамъ земли, которыми они владѣли наслѣдственно; на Медвѣжьихъ-Лозахъ объявлено, что козакъ не можетъ жить на землѣ прежняго пана своего, если не хочетъ ему повиноваться ⁽¹⁾. По договору Бѣлоцерковскому, козакамъ назначалось жителство въ коронныхъ имѣніяхъ Кіевского воеводства, и дозволялось переселяющимся туда продать свое имущество безъ всякаго препятствія со стороны пановъ ⁽²⁾. Чтобы перейти человѣку простаго стану огромную бездну, отдѣляющую его юридически отъ шляхетскаго права, литовскій статутъ указываетъ ему одинъ невѣрный путь—рыцарскихъ подвиговъ. (Лит. стат. 1588 г. Временникъ 1834 г. кн. 19). Начало строгаго и полнаго раздѣленія всего общества на два сословія, въ юридическомъ языкѣ Польши, выразилось тѣмъ, что, начиная съ XVI столѣтія, мало-по-малу сдѣлались въ немъ неупотребительными разнообразныя названія сельскихъ жителей *кмитей*, *солтысовъ* и проч., пользовавшихся въ прежнее время нѣкоторыми видами гражданскихъ и политическихъ правъ. Мѣсто ихъ замѣнило общее названіе для всѣхъ земледѣльцевъ: *подданные* ⁽³⁾.

Характеристическую черту польскаго института крѣпостнаго права составляютъ: теоретически—строгая опредѣленность принятаго законодательствомъ начала аристократіи крови и догматическая полнота его опредѣленій, недопускавшая, повидимому, совмѣстнаго существованія другихъ ему противоположныхъ началъ ни на дѣлѣ, ни тѣмъ болѣе,

⁽¹⁾ Исторія Соловьева, томъ X, стр. 70 и 111.

⁽²⁾ Памятники кіевской комисіи, томъ II.

⁽³⁾ Рехневскій, въ Русскомъ Вѣстникѣ, май 1838 г.

въ буквѣ закона. Подобное законодательство есть явленіе того вѣка, когда думали, что можно сдѣлать народъ счастливымъ безъ свободы и участія его въ умственной и общественной жизни и оставляя благосостояніе его подъ ненадежной защитой военной доблести и нравственнаго превосходства представителей демократически-образованнаго союза ихъ господъ. Забвеніе нравственной пользы темнаго люда, между-прочимъ, записало на хартіяхъ польской письменности забавное теперь для насъ мнѣніе, — что употребленіе въ литературѣ языка чуждаго распространяетъ между иностранцами славу народа и представителя его, короля, и тѣмъ самымъ вызываетъ народъ на патріотическіе подвиги (*). Изъ этого одного, намъ кажется, можно вывести, что въ заблужденіи большинства, участвовавшего въ составленіи законовъ о крѣпостномъ правѣ, была своя доля искренности. Нельзя не вѣрить польскимъ писателямъ, которые свидѣтельствуютъ о хорошихъ нравахъ стариннаго польскаго дворянства, о сознаніи лежащихъ на немъ обязанностей, и умѣніи благоразумно пользоваться своими правами надъ подвластными. Нельзя отвергать истины и въ словахъ тѣхъ, которые указываютъ на войны Хмельницкаго, какъ на доказательство хорошихъ, въ прежнее время, качествъ польской аристократіи, благодаря которымъ Украина населилась и обогатилась до того, что могла выносить эти войны. Еслибы большинство не искренно ошибалось, то оно слышало бы воіявший противъ него голосъ человечества, и ему не удалось бы дѣло юридическаго уничтоженія народа; оно бы пало само-собою, какъ падаютъ вообще дѣла заговорщиковъ, замышляющихъ, съ безнравственною цѣлію, ниспровергнуть законный порядокъ.

Но какою бы мягкостью и человѣчностью ни отличалась вначалѣ опека просвѣщенныхъ польскихъ пановъ надъ ихъ подданными, но заблужденіе, положенное въ основаніе несправедливаго учрежденія, взяло свое. Неумѣренная роскошь и безграничное корыстолюбіе пановъ, въ вѣкъ порчи нравовъ, съ безпутствомъ дурно-дисциплинированнаго войска, въ связи съ религіознымъ фанатизмомъ іезуитовъ, скоро переполнили мѣру народнаго терпѣнія. Южнорусскій народъ, въ своихъ кровавыхъ войнахъ за свободу, искалъ не уменьшенія панщины, не безбѣднаго существованія подъ опекою своихъ пановъ, но поборалъ аристократическій принципъ своихъ повелителей, высказывавшійся сло-

(*) Dziela Czackiego, т. I, стр. 73.

вомъ и дѣломъ въ отрицаніи гражданскихъ и политическихъ правъ простаго народа, въ обидномъ ученіи, будто послѣдній призванъ работать на пана для собственнаго своего счастья. Никакаа сдѣлка не возможна была между враждующими сторонами, когда дѣло шло о общественномъ ихъ принципѣ, о вѣрованіяхъ, составлявшихъ сущность и природу національностей, когда господа—повелители и возмущившіеся ихъ подданные вывели на арену борьбы своихъ представителей, — до глубины души, искренно и самоотверженно—преданныхъ поборниковъ ихъ дѣла. При такомъ отношеніи сторонъ, можно было *сломать, но не погнать*, и—дѣйствительно, Польша, послѣ козацкихъ войнъ, начала быстро стремиться къ упадку; не пережила своей борьбы за крѣпостное право, и пала жертвою ложно—понятаго аристократизма и неестественнаго примѣненія его въ юридически—уродливой формѣ.

Крѣпостное право, какъ величайшая несправедливость въ общечеловѣческомъ смыслѣ, находило и въ самой Польшѣ своихъ порицателей въ лицѣ, тѣхъ лучшихъ представителей общества, которые, нравственно возвышаясь надъ сословными предразсудками, не изгоняли изъ души своей чувства человѣческаго. Польская литература всегда, и въ особенности въ то время, когда сообщилося ей умственное движеніе, вызванное въ Европѣ реформаціей, не умолкала въ своемъ протестѣ противъ угнетателей простаго народа, и не переставала защищать ея человѣческія права. Въ странѣ, возведшей рабство въ свой жизненный принципъ, въ *быть или не быть* своего политическаго существованія, всегда возвышался голосъ защитниковъ угнетенныхъ: — этотъ утѣшительный фактъ примиряетъ съ исторіей Польши. Приведенная, во 2 томѣ сочиненій Чацкого, выдержка изъ трактата Олизаровскаго: De Politica hominum Societate 1631 г., исполнена живыхъ словъ, которыя, несмотря на недостатокъ реальности вообще въ политическихъ наукахъ того времени, никогда не утратятъ своей цѣны, какъ выраженіе самой искренней любви къ человѣчеству и горячаго возраженія противъ насилія возвышенной души, недопускающей никакихъ сдѣлокъ съ притѣснителями. «Никакими постановленіями», (писалъ Олизаровскій) «короли не могутъ наложить рабства на своихъ подданныхъ, такъ—какъ противъ такихъ постановленій законы божескіе, естественное и общечеловѣческое право. Никакими законами нельзя узаконить несправедливости, которая, какъ бы долго она ни была терпима, не можетъ сдѣлаться справедливостью, или обратиться въ право обычая».

Защитники свободы говорили горячо и страстно, въ-особенности потому, что ихъ противники также всецѣло и страстно были преданы своему принципу. Не въ духѣ польской аристократіи было, признавъ фактъ закрѣпленія подданныхъ, молча пользоваться имъ для своей наживы, и соблюдать благоразумную осторожность. Принявъ и проводя въ законодательствѣ съ строгою послѣдовательностію догматическое начало раздѣленія общества на людей *простаго стану* и *шляхетныхъ*—благородныхъ попечителей ихъ, польская аристократія старалась найти высшее раціональное оправданіе идеала своего государства. Истощивъ все средства тогдашней государственной науки для доказательства, что масса народа должна находиться въ рабствѣ, ученые защитники панства прибѣгали къ такому софизму: «мы не совершаемъ никакой несправедливости относительно нашихъ крестьянъ, потому что несправедливыми можно быть только относительно тѣхъ, кого мы подчиняемъ себѣ противъ воли; но нѣтъ несправедливости тамъ, гдѣ отдаются нашей власти добровольно (*quia injuria non fiat volentibus, sed invitis*). Долговременное же терпѣніе польскихъ крестьянъ доказываетъ, что они не противъ воли намъ повинуются».

Такое желаніе господства и вмѣстѣ презрѣніе и упрекъ своимъ подвластнымъ за то, что они повинуются,—совершенно въ духѣ средне-вѣковаго романтизма, который весь сложился изъ крайностей, противорѣчія и безсмыслицы. Подобная аргументація находится въ полномъ согласіи съ нравами того времени, когда честь принимали за краеугольный камень общественнаго зданія, но полагали ее въ формѣ, а не въ сущности; когда рыцарь, не явившійся на вызовъ смерти, видѣлъ, по выраженію Бѣлинскаго, честь свою погибшею,—и въ то же время не боялся увидѣть опозореннымъ свой гербъ, выходя на большія дороги грабить купеческіе обозы; когда занятіе, въ городѣ, торговлею и ремеслами влекло за собою потерю шляхетства, а продажа вина и различныхъ съѣстныхъ и хозяйственныхъ припасовъ въ селеніи, своимъ же собственнымъ крестьянамъ, не считалась дѣломъ компрометирующимъ рыцарское достоинство.

Воспитанные въ духѣ средне-вѣковаго романтизма польскіе защитники крѣпостнаго права, посмѣваясь надъ слабостію людей, ими угнетаемыхъ, и презрительно бросая въ нихъ грязью за то, что сознаніе свободы не поднимало ихъ на энергическую защиту своихъ человѣческихъ правъ, забывали, что драма съ преступнымъ нарушеніемъ нравственнаго порядка и съ немедленнымъ торжествомъ естественнаго пра-

восудія, въ трагической катастрофѣ послѣдняго акта, существуетъ только въ искусствѣ, и что исторія въ жизни обществъ не рѣдко откладываетъ возмездіе высшаго правосудія за совершившіяся неправды на неопредѣленное время и взыскиваетъ съ грядущихъ поколѣній за грѣхи ихъ предковъ. На высотѣ шляхетскихъ привилегій, польскіе паны не хотѣли внимательно заглянуть въ души стоявшаго подъ ними народа. Иначе они узнали бы, что не нравственное ничтожество трусовъ удерживало южно-русскихъ земледѣльцевъ въ безмолвномъ повиновеніи ихъ новелителямъ, но что источникомъ ихъ терпѣнія было то обще-человѣческое чувство отвращенія къ кровопролитію, которое заставляетъ человѣка переносить нарушеніе собственныхъ, насущныхъ, выгодъ. Они увидѣли бы, что уничтоженіе свободы народа не исключаетъ въ немъ тѣхъ нравственно-человѣческихъ чувствъ, которыя, въ рукахъ исторіи, нерѣдко служатъ орудіями ея праведнаго мщенія. Послѣдующая судьба Польши показала ложность принятаго ею начала государственнаго устройства, и засвидѣтельствовала предъ лицомъ исторіи право Южной Руси на независимое отъ нея существованіе.

V.

Совершенно другимъ характеромъ отличается крѣпостное право въ Россіи. Крѣпостное право здѣсь существуетъ, быть-можетъ, также давно, какъ и въ Польшѣ; какъ здѣсь, такъ и тамъ покрайней-мѣрѣ, по памятникамъ 16, 17 и 18-го столѣтій—пока правительство не выразило заботы своей о гражданскихъ правахъ крестьянъ владѣлецъ земли заставляетъ крестьянина работать на себя, не встрѣчая, со стороны закона, никакихъ ограниченій для мѣры своего требованія повинностей; судить крестьянина, подвергать его наказаніямъ, и безпрепятственно налагаетъ руку на пріобрѣтенное имъ имущество. Русскій крестьянинъ, поселенный на землѣ помѣщика, представляется какъ нѣчто ему принадлежащее, но во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ явственны преимущественно черты не юридическаго, а фактическаго владѣнія. Если послѣднее на дѣлѣ и доходитъ до совершеннаго уничтоженія личности подвластнаго человѣка, то зато законодательство въ своихъ опредѣленіяхъ представляется очень осторожнымъ. Признавая установившійся въ дѣйствительности порядокъ вещей, какъ необходимый фактъ, оно не считаетъ нужнымъ много о немъ распростра-

няться, и, касаясь проявленій власти землевладѣльцевъ надъ подвластными имъ крестьянами, издаетъ постановленія, по большей части, имѣвшія значеніе политическихъ мѣръ—въ видахъ охраненія государственнаго интереса. Опредѣляя юридическія отношенія крестьянъ настолько, насколько это было нужно съ государственной точки зрѣнія, русское законодательство вообще оставляетъ въ сторонѣ частныя имущественныя отношенія крестьянъ, и тѣмъ самымъ предоставляет—если не все, то очень многое—произволу тѣхъ, которымъ предоставило для достиженія своихъ цѣлей и большія преимущества власти. Юридическая сторона существующаго установленія оставлена была русскимъ законодательствомъ безъ вниманія. Опасеніе быть послѣдовательнымъ, и нерасположенность къ анализу установившихся и отчасти признанныхъ верховною властію правоотношеній были причиною того, что въ русскомъ законодательствѣ, за исключеніемъ не многихъ попытокъ послѣдняго времени, послѣ жалованной императрицею Екатериною II грамоты дворянству, нѣтъ юридически—выработаннаго опредѣленія отношеній одного сословія къ другому; что все зданіе крѣпостнаго права, въ—особенности до 1783 г., представлялось послѣдствіемъ правительственныхъ мѣръ, умѣстныхъ и терпимыхъ дотолѣ, цюка онѣ согласны съ государственными видами. Но какъ скоро законодательство признало владѣніе недвижимыми имѣніями на правѣ полной собственности, а не для государственныхъ цѣлей,—сперва для дворянства и городскихъ состояній, въ жалованныхъ грамотахъ 21 апрѣля 1783 г., потомъ для свободныхъ сельскихъ обывателей 12 декабря 1801 г. и для помѣщичьихъ крестьянъ 3 марта 1848 г., то это новое начало гражданской полноправности ввѣхъ членовъ общества оказалось въ противорѣчіи съ прежнимъ характеромъ законодательства, подчинявшимъ лицо государству; и когда явилась затѣмъ потребность анализа фактовъ и юридической оцѣнки взаимныхъ отношеній, установленныхъ между землевладѣльцами, во имя государственнаго интереса, то русское законодательство оковило тѣмъ, что совершенно уничтожило личное право помѣщиковъ на крестьянъ, признавъ этимъ всю несообразность,—съ духомъ современнаго общества, — идеи рабства, въ мысли римскаго и германскаго законодательства.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и статутъ великаго княжества Литовскаго оба несутъ на себѣ характеръ законодательства, извѣстныхъ въ исторіи права подъ названіемъ *земскихъ уложеній*: въ основаніи обоихъ преобладаніе государственнаго начала и мысль о

землѣ, какъ источникѣ государственныхъ повинностей. Все, что живетъ на землѣ, составляющей территорію государства, и пользуется хотя бы и самую незначительную частицею ея, обязано выполнять повинности. Дворянство, владѣя помѣстьями, обязано нести государственную службу, средства для которой оно извлекаетъ изъ земли, находящейся въ его владѣніи, и изъ труда поселенныхъ на ней крестьянъ. Отсюда—забота правительства и законодательныя мѣры направлены къ тому, чтобы доходы дворянства не оскудѣвали, и чтобы имѣнія ихъ не оставались впускѣ крестьянами, совершенно прикрѣпленными къ землѣ или пользующимися ограниченнымъ правомъ перехода. Крестьяне не относились къ государству непосредственно, но, доставляли средства своему помѣщику нести службу, и тѣмъ самымъ косвенно служили государству. Взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, какъ личныя, такъ и имущественныя, стоятъ на второмъ планѣ и определяются этими законодательствами въ такой только мѣрѣ, какой требовала того политическая точка зрѣнія. Но, несмотря на множество оставленныхъ обоими законодательствами пробѣловъ въ этой области, Литовскій Статутъ, гораздо болѣе, чѣмъ Уложеніе, захватываетъ юридическую сферу крестьянъ и оканчиваетъ, какъ мы видѣли, полнымъ уничтоженіемъ личности во имя государственнаго начала. Крестьяне, по Уложенію, прикрѣплены къ землѣ. Перешедшіе отъ одного владѣльца къ другому, считаются бѣглыми и возвращаются съ ихъ животами прежнимъ владѣльцамъ, по жалобѣ сихъ послѣднихъ и по розыску сыщиковъ. Уложеніе ничего не постановляетъ о правѣ помѣщиковъ наказывать своихъ крестьянъ, но *de facto* судъ и расправа надъ крѣпостными людьми принадлежали помѣщику, который былъ карателемъ ихъ за всѣ проступки, противъ его самого и противъ другихъ крѣпостныхъ людей. Въ XVII столѣтіи въ помѣщичьихъ дворахъ были тюрьмы, кандалы и колодки, для содержанія людей провинившихся и для обузданія непослушныхъ. Уложеніе опредѣлительно высказалось только объ изыятіи изъ подсудности помѣщику разбойныхъ и убійственныхъ дѣлъ, и грозить наказаніемъ господамъ за лишеніе жизни ихъ крестьянъ (XXI, 79).

Право помѣщика чинить расправу и наказаніе надъ своими крестьянами оставалось дѣйствующимъ въ русскомъ законодательствѣ до послѣдняго времени. На основаніи XV т. Св. Зак., изд. 1857 г., тѣ изъ проступковъ и преступленій помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые не влекутъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія, когда сии преступленія или проступки учинены противъ помѣщика или

М. С.
всѣхъ
кандалы
тюремъ
по ст. 79
к кр. у.

его семейства, подлежат расправѣ самого помѣщика или управляющаго имѣніемъ. Проступки же и преступленія, учиненные крѣпостными хестьивъ людей постороннихъ, подлежатъ расправѣ помѣщика въ такомъ лишь случаѣ, когда самъ обиженный будетъ сего просить.

Въ Уложеніи нѣтъ постановленія, которымъ бы предоставлялось крѣпостнымъ право на отдѣльное имущество, равно не имѣется и такого закона, который прямо лишалъ бы ихъ этого права.

Главную характеристическую особенность русскихъ законовъ о помѣщичьихъ крѣстьянахъ какъ XVII столѣтія, такъ и послѣдняго времени, составляетъ то, что крестьяне эти, называясь крѣпостными людьми, составляли, посреди сельскихъ обывателей иныхъ наименованій, отдѣльный видъ съ юридическими его особенностями, довольно рѣзко отличающими это состояніе отъ другихъ земледѣльцевъ. Русское законодательство, вообще мало склонное къ рефлексіи, не выработало такого понятія, которое, соответствуя польскому названію *подданныхъ*, обнимало бы собою всю податную массу, или людей *простаго стану*. Русское названіе *крестьянинъ*, явившееся, какъ полагаютъ, въ монгольскій періодъ, когда все населеніе, съ финансовою цѣлью, было прикрѣплено къ мѣсту жительства, хотя обнимаетъ всѣ виды земледѣльцевъ, платящихъ подати, но, по своему значенію, далеко отлично отъ понятія о крѣпостныхъ людяхъ. Множество видовъ земледѣльческаго податнаго населенія, извѣстныхъ теперь подъ общимъ названіемъ государственныхъ крестьянъ, сохраняютъ въ официальном языкѣ свои историческія названія, пользуются гражданскими правами, въ-особенности послѣ указа 1801 г., которымъ дозволено имъ пріобрѣтать недвижимыя ненаселенныя имѣнія, и хотя не имѣютъ правъ политическихъ и права вступать въ государственную службу, окончательно отнятаго указомъ 14 октября 1827 г., но со стороны закона для нихъ не слишкомъ затрудненъ переходъ въ другія высшія -о-словія.

VI.

Въ Малороссіи, по присоединеніи ея къ Московскому государству, вводилось крѣпостное право двумя путями: во-первыхъ, путемъ обычая, пережившаго въ преданіи политическій переворотъ, вызванный козацкими войнами, — чему способствовало то обстоятельство, что, по договорнымъ статьямъ Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ

оставлены въ Малороссіи дѣйствующими прежнія права, слѣдовательно, для всего земскаго населенія и городовъ, непользующихся привилегіями,—Статутъ великаго княжества Литовскаго былъ обязательнымъ. По Литовскому Статуту, какъ мы видѣли, весь народъ политически раздѣлялся на шляхту и не-шляхту, или людей *простаго стану*. Между тѣмъ, въ малороссійскомъ обществѣ, демократически—устроенномъ при Богданѣ Хмельницкомъ, такого раздѣленія не существовало, и потому, всѣ постановленія Статута, въ основаніе которыхъ принято это сословное раздѣленіе, ставшее уже анахронизмомъ, не должны бы были имѣть практическаго значенія. Но они ничѣмъ не были замѣнены и примѣнялись къ дѣламъ, съ явнымъ нарушеніемъ справедливости. На эту несправедливость въ малороссійскихъ судахъ, во времена Елисаветы, указывалъ правительству Тепловъ, въ его запискѣ о непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкуовеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи (1).

Вторымъ путемъ къ водворенію въ Малороссіи крѣпостнаго права, послужило законодательство правительства, которое, рѣшенія свои по частнымъ дѣламъ, касающимся всего края, основывало частію на постановленіяхъ Литовскаго Статута, частію на соборномъ уложеніи и новыхъ указахъ (2). Такимъ образомъ, по указу 1763 года, ограниченъ былъ *переходъ посполитыхъ людей, съ цѣлью предохранить ихъ отъ разоренія и нищенства*. Наконецъ, 3 мая 1783 г., правительство, вводя въ Малороссіи подушную подать и раскладку ея между частными лицами внутри самихъ обществъ,—въ видѣ мѣры обезпеченія исправнаго взысканія, повелѣло поселянамъ, подъ страхомъ наказанія, оставаться въ своихъ мѣстахъ, гдѣ кто записанъ по ревизіи, для извѣстнаго и вѣрнаго, какъ выразился законъ, полученія казенныхъ доходовъ и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ, къ отягощенію *помѣщиковъ* и остающихся въ селеніи обывателей. Оба эти указа, изъ которыхъ первый имѣлъ характеръ опеки на пользу простаго народа, а послѣдній былъ уже мѣрою финансовою, на пользу государства, нисколько, повидимому, не касались существа юридическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ. Но, несмотря на это, ими волиѣ распрост-

(1) Записки о Южной Руси. г. Кулиша, т. II, стр. 186.

(2) Полн. Собр. Зак., указы: 1736 г. (10,334); 1738 г. (10,836); 1739 г. (10,997); 1760 г. (10,132); 1766 г. (12,733); 1767 г. (13,029) и 1784 г. (13,907).

ранены на Малоросію великороссійскіе законы о крѣпостномъ правѣ, выраженные главнымъ образомъ въ жалованной дворянству грамотѣ 1785 г. и дополненные впоследствии указами, которые содержали въ себѣ, какъ общіе законы для всей имперіи, такъ и мѣстные—для Малороссіи. Этимъ двоякимъ путемъ,—путемъ преданія, служившаго проводникомъ польскаго вліянія, и путемъ регламентаціи правительства, установилось въ Малороссіи крѣпостное право. Оно, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ свои особенности, ему одному свойственныя; но, къ сожалѣнію, существо этого права еще мало изслѣдовано, что должно приписать недостаточному вниманію литературы къ господствующимъ обычаямъ въ земледѣльческомъ быту малороссійцъ; а при одномъ знаніи законовъ о крѣпостномъ состояніи, общихъ для всей Россіи, безъ ближайшаго знакомства съ обычаями, мы никогда не будемъ въ состояніи опредѣлить, чѣмъ обязаны малоруескіе крестьяне великороссійскимъ законамъ и гдѣ оканчивается вліяніе Польскаго права ⁽¹⁾.

Сообразно съ общимъ характеромъ русскаго законодательства, въ губерніяхъ малороссійскихъ, Черниговской, Полтавской и Слободско-Украинской или Харьковской, на-ряду съ помѣщичьими крестьянами, остались земледѣльцы свободныхъ податныхъ состояній, которые носятъ общее названіе государственныхъ крестьянъ и пользуются гражданскими правами, владѣніемъ землею на правѣ собственности и правомъ иска въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, хотя эти права подлежатъ нѣкоторымъ ограниченіямъ по видамъ попечительства и управленія ⁽²⁾.

(1) Впрочемъ, при составленіи новаго Положенія о крестьянахъ, законодательство приняло во вниманіе господствующее въ Малороссіи начало личнаго владѣнія и подворное пользованіе землею, въ противоположность существующему въ Великороссіи понятію общины, какъ владѣльца земли. Круговая порука, по великороссійскимъ законамъ, примѣненная къ платежу повинностей обществами въ Малороссіи, по всей вѣроятности, получила тамъ свои мѣстные отличія; но какія именно — намъ не извѣстно.

(2) Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, въ которыхъ земледѣльческое населеніе состоитъ изъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, численное отношеніе въ пользу первыхъ. Такъ, въ губерніи Черниговской государственныхъ крестьянъ обоего пола 674,336 душъ, а помѣщичьихъ 333,622 души, въ Полтавской—государственныхъ крестьянъ 933,499, а помѣщичьихъ—631,672. Въ составъ населенія государственныхъ крестьянъ вошли, главнымъ образомъ, Малороссійскіе козаки, войсковые посполитые,—въ числѣ которыхъ были отданные прежде на бузаву, и, по уничтоженіи гетманства, сдѣлавшіеся государственными, приписанные къ магистратамъ и ратушамъ (ук. 26 октября 1721 г. 13,263, п. 6); приписанные къ генеральной и полковымъ артиллеріямъ (тамъ же, п. 7); монастырскіе и церковные (ук. 1787 г.). Въ общемъ

VII.

Изъ сравненія характеристическихъ особенностей Польскаго и Русскаго крѣпостнаго права, господствовашаго въ Малороссіи, намъ кажется, можно вывести слѣдующія заключенія:

1.) Первое изъ нихъ выросло въ колоссальный институтъ публичнаго права, обнявшій собою, во имя государства, все гражданскія права подвластнаго народа. При его формальной опредѣленности и догматической полнотѣ, отмѣнить несправедливый законъ, какъ послѣдствія показали, было очень трудно, потому что, за буквою догматическаго закона, исчерпавшаго собою все, и высказавшаго въ заключеніе, что подданный, все его имущество и самая жизнь принадлежать пану, не оставалось уже мѣста никакимъ противорѣчіямъ и никакимъ комбинаціямъ гражданского и публичнаго права. Возможны были только вѣра въ принципъ и политическій фанатизмъ. Напротивъ, русскіе законы о крѣпостномъ правѣ, неполные, непоследовательные, исполненные на каждомъ шагу противорѣчій, расплывающіеся, такъ сказать, въ разнообразныхъ административныхъ, полицейскихъ и финансовыхъ мѣрахъ, подходившіе только издалека, не прямо и робко, къ принципу крѣпостнаго права, и не осмѣлившіеся никогда создать для него юридическую формулу, сами въ себѣ носили зародыши своей непрочности, что и должно было вести къ уничтоженію самого права, какъ скоро анализъ и юридическая оцѣнка коснулись его казуистическаго содержанія. Русское законодательство, признавая гражданскія права многочисленныхъ классовъ свободныхъ податныхъ состояній, и предоставляя крѣпостнымъ пріобрѣтать недвижимую собственность, этимъ самымъ налагало руку на свое дѣло: ибо, съ одной стороны, невозможно быть собственникомъ, и не имѣть въ то же время личныхъ правъ, и съ другой стороны, даруя гражданскія права государственнымъ крестьянамъ, и отказывая въ нихъ крѣпостнымъ, отличавшимся исторически отъ первыхъ только тѣмъ, что, по какой-то случайности, даже иногда на памяти ближайшихъ поколѣній, они сѣли на земляхъ,

числѣ государственныхъ крестьянъ Черниговской и Полтавской губерній наиболѣе козаковъ. Въ Черниговской губерніи, по 10 ревизіи, ихъ 210,738, и въ Полтавской—383,231 душа. (Матеріалы для статистики Россіи Мин. Гос. Им., выпускъ III, и г. Тройницкаго—о крѣпостномъ состояніи).

отданных помѣщикамъ, а не на казенныхъ, правительство этимъ самымъ показывало, что оно не вѣрить въ принципъ крѣпостнаго права, и что высшая государственная правда требуетъ его отмены. При многочисленности, въ Русскомъ государствѣ сословій, пользующихся гражданскими правами, русское дворянство не составляло такого замкнутого круга, какъ польское шляхетство. Безъ корпоративнаго духа и безъ сословнаго фанатизма, оно было привязано къ факту крѣпостнаго владѣнія, доставлявшаго ему большія выгоды, но не восходило мыслію къ принципу и не самообольщалось представленіемъ нравственнаго превосходства своего сословія. Вотъ почему русское дворянство не выставило такихъ энергическихъ защитниковъ крѣпостнаго права, какъ Іеремія Вишневецкій, который также искренно вѣрилъ въ справедливость этого права, какъ и въ истину догмата католической церкви о непогрѣшимости и главенствѣ папы,—ни такого краснорѣчиваго оратора, какъ воевода Кисиль, который, высказывая, въ одномъ своемъ ораторскомъ опытѣ, тезисъ:—«крестьяне—пашенные невольники,» вѣроятно, не допускалъ и мысли, что отъ него можно требовать доказательствъ этого догматическаго положенія. Съ другой стороны, благодаря тому же отсутствію, въ русскомъ дворянствѣ, замкнутости и корпорации, оно, въ лицѣ образованнѣйшихъ представителей своего сословія, оказало дѣйствительное сочувствіе правительственной мѣрѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Въ этомъ сочувствіи представителей дворянства общественному благу заключается, по нашему мнѣнію, доказательство того, что съ великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ совершился рѣшительный и глубокій переворотъ въ общественномъ строѣ русской жизни,—и потому для крѣпостнаго права немислимъ поворотъ назадъ; что настоящее прекращеніе крѣпостнаго права въ Малороссіи совершилось при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ то, которое было послѣдствіемъ козацкихъ войнъ, такъ какъ, при измѣнившихся правахъ высшаго сословія, съ одной стороны, будутъ посреди его люди истинно—прогрессивныхъ стремлений и, съ другой, правительство всегда найдетъ посреди него такихъ исполнителей своихъ предначертаній, которые, съ живымъ сознаніемъ общественнаго долга, будутъ противостоять незаконному торжеству грубой силы, произволу и всякой неправдѣ, которое вредитъ интересамъ всего общества, безъ различія сословій и состояній.

2) Но при всемъ этомъ никакое самообольщеніе не позволяетъ намъ забыть, что начало благотворнаго переворота произошло сверху, а не вну-

самаго общества, путемъ взаимныхъ и добровольныхъ уступокъ одного сословія другому; что отъ общества требуется еще много усилій для того, чтобы усвоить новый взглядъ на взаимныя отношенія, чтобы уравненіе гражданскихъ правъ всѣхъ классовъ общества было не однимъ писаннымъ закономъ, но дѣйствительнымъ и непреложнымъ результатомъ успѣховъ общественнаго развитія.

Въ—особенности длинною должна показаться перспектива предстоящаго внутренняго развитія малороссійскаго общества для тѣхъ, кто, на основаніи прошедшаго и извѣстнаго, станетъ пытаться будущее и неизвѣстное. Объ этомъ обществѣ, въ 1763 г., писали, «что во всей Украинѣ ни единого изъ купцовъ капиталистовъ нѣтъ, который бы купечествомъ знатенъ былъ. Всѣ ихъ продукты или худо заведены и въ торгъ не годятся для выпуска, или въ маломъ числѣ родятся. Географическое положеніе, малая домашняя консомация и границы, тяжелымъ тарифомъ затрудненныя, послѣдній духъ ихъ къ промысламъ умертвили; а притомъ пожитокъ отъ виннаго куренія, не многимъ трудомъ пріобрѣтенный, остатки въ нихъ склонности къ заведенію другихъ промысловъ, востребовали. Ни фабрикъ, ни рукодѣлій; люди бѣдны, наги, а частію — голодны.»

Такимъ былъ украинскій земледѣлецъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, и нѣтъ основаній предполагать, что съ тѣхъ поръ былъ его слишкомъ улучшился. Напротивъ, усилившійся внѣшній запросъ на продукты земледѣлія черезъ черноморскіе порты отзывался въ Малороссіи общимъ стремленіемъ помѣщиковъ заводить хозяйства въ большихъ размѣрахъ, основанныя на панщинѣ, такъ—что, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ послѣднее время помѣщиками, большая часть ихъ имѣній, въ Полтавской губерніи, издѣльныя; оброкъ встрѣчается очень рѣдко, и нѣшіе крестьяне, или работающіе безъ скота, составляютъ болѣе 73% общаго числа крестьянъ — работниковъ. Нельзя сомнѣваться, думаемъ, въ томъ, что матеріальное благосостояніе крестьянъ въ Малороссіи стоитъ на весьма низкой степени, а безъ матеріальнаго довольства, безъ привычки, которой нельзя пріобрѣсть мгновенно употреблять собственный трудъ въ свою пользу, дѣлать сбереженія, невозможны ни уваженіе къ чужому праву, ни энергія промышленной дѣятельности. Достойно, поэтому, серьезнаго вниманія замѣчаніе, сдѣланное г. Рехневскимъ, (*) на

(*) Статья о польскихъ крестьянахъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ за май 1838 г.

основаніи примѣровъ изъ исторіи освобожденія крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, что крестьяне, неимѣвшіе долго права собственности на землю, не могутъ стать на ту точку зрѣнія, чтобы видѣть въ самихъ себѣ — лица самостоятельныя, а въ земляхъ, находящихся въ ихъ пользованіи, — чужую собственность; они видятъ въ чиншѣ не договорную плату за аренду, но какую — то повинность, простое видоизмѣненіе повинностей и налоговъ, на нихъ лежавшихъ, и думаютъ только о томъ, какъ — бы освободиться отъ этого налога. Только одна собственность, только одно увеличеніе матеріальнаго богатства крестьянъ могутъ утвердить въ народѣ юридическое воззрѣніе, и послужить залогомъ того, чего напрасно мы стали бы добиваться отъ правительства — гарантій гражданской справедливости.

Прежде всего, нужно быть собственникомъ, для того, чтобы умѣть цѣнить благодѣянія частнаго права и справедливаго примѣненія его, несмотря ни на какія постороннія вліянія. Въ этомъ смыслѣ, каждый шагъ, направленный землевладѣльцемъ къ несправедливому и насильному вторженію въ имущественную сферу освобожденнаго крестьянина, носить на себѣ характеръ косвеннаго нарушенія общаго блага, и достоинъ осужденія, и передъ официальными органами правосудія, и передъ печатнымъ и изуствымъ судомъ общественнаго мнѣнія. Помѣщики, не пренятствуя и, если можно, поощряя успѣхи благосостоянія крестьянъ, какъ вліятельнѣйшіе по состоянію и образованію члены общества, должны постоянно оставаться на высотѣ нравственнаго достоинства, которое бы всегда и неизмѣнно стояло на — сторожѣ тамъ гдѣ встрѣчается опасность увлеченія эгоизмомъ и непростительнаго, раздѣленія личныхъ и общественныхъ интересовъ. Предстоящій путь неизвѣстенъ и длиненъ, и нѣтъ сомнѣнія, что на немъ будутъ своего рода недоразумѣнія, уклоненія и пренятствія. Многое зависитъ отъ крестьянъ и еще болѣе отъ помѣщиковъ, по вѣчному закону евангельской правды: *ему же дано много, много и взыщется*. Къ — счастью, мы живемъ въ то время, когда право и обязанности опредѣляются не отвлеченными только теоріями, но на реальной почвѣ видимыхъ и осязаемыхъ примѣровъ исторической дѣйствительности. Такимъ образомъ, въ остзейскихъ губерніяхъ, помѣщики убѣдились, что крестьянинъ, пользующійся большею или меньшею степенью матеріальнаго довольства, больше имѣетъ надобности въ произведеніяхъ, принадлежащихъ помѣщику, охотнѣе беретъ на себя работу и умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ, чѣмъ бѣднякъ, который, при скудо-

сти своих потребностей, может оставаться въ оцѣнѣннѣи бездѣйствія. Последний, безъ привычки къ медленному, но постепенному и вѣрному обогащенію себя собственнымъ трудомъ, желаетъ матеріальнаго довольства только подъ условіемъ, чтобъ оно вдругъ къ нему пришло, и потому можетъ изъ всѣхъ силъ упорствовать въ превосходящемъ справедливость возвышеніи платы за свой трудъ. Примѣръ остзейскихъ губерній поучителенъ еще въ томъ отношеніи, что, по отчетамъ тамошнихъ экономическихъ обществъ, помѣщики принимаютъ учреждать школы, для распространенія грамотности въ простомъ народѣ, въ то самое время, когда, при совершающемся переходѣ отъ барщиннаго хозяйства къ вольнонаемному труду, они дѣйствительно обѣднѣли, и когда чрезмѣрное возвышеніе полунищими работниками задѣльной платы заставило ихъ прекратить нѣкоторые хозяйственные производства. Въ этомъ мы видимъ краснорѣчивое доказательство того, что собственный хозяйственный интересъ помѣщиковъ требуетъ поднятія нравственнаго уровня крестьянъ, и что безъ этого невозможно благосостояніе ни тѣхъ, ни другихъ, такъ-какъ обоюдный трудъ и взаимный обмѣнъ услугъ составляютъ единственно-вѣрное основаніе всякаго богатства.

— кій.

30 мая 1861 г.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

VI.

Москаль Кирило. (*)

(Росказувавъ царинний дідъ біля селі Війтовцівъ).

Колись перехо́домъ стоявъ у на́шому селі москаль, Кири́ломъ зв́ався, ще й те́перь дехто изъ ста́рихъ люде́й ёго па́м'ятá. И щó-то вже! скáзано, в́о́дитця таке́—не ступе, щóбъ чо́го не вчини́ти, на всі шту́ки бувъ ма́йстеръ: чи почне́ роска́зувати щó, дакъ тільки ёго слухай. Говóре, говóре до самі́снього ра́нку, и не кóпче,—такъ и розі́йдутця; чи, гляди́шъ, на́збіра́ кругъ се́бе и па́рубківъ и дівча́тъ, и ста́рихъ и ма́лихъ, да якъ почне́ коверзува́ти та при́гла́дувати—ре́готу, ре́готу! А дядьку ко́вненька на́ руку, самъ любі́въ ви́кинути сло́вце; да о́це якъ почи́уть у дво́хъ,—де́бъ хто що не робі́въ, усі тутъ. Дарма́, що Моска́ль, а по-на́ські, мовъ хлі́бъ рі́же, ні́коли спроста́ не одка́же.

— А що ро́бе кова́ль?—спита́ о́це дядько.

— Жі́нку су́ше на ви́садкі, —примі́ромъ одка́же.

Розу́мій—то́бъ то би. Усі́ позви́кали до ёго ре́чи, ко́жне зра́зу тї́мило, щó до чо́го, проти чо́го й якъ. Да чи то одно? Чи при́рівня́ть ко́го до чо́го, чи настраха́ть ко́го, чи вті́шить, чи в́ъ за́гладъ

(*) Въ разказахъ зъ наро́днихъ устъ мы сохрани́емъ особенносты мѣстнаго говора. Напр. *мо* вмѣсто *мо́же*; *говóре* вмѣсто *говóритъ*; *тра* вмѣсто *требá* и т. п.

бігця, чи наввипередки бігти, чи зопсувати що, чи дати чому ладъ—усе вінъ. А який падкий бувъ до їжи та до горілки! Було оце закличешъ, та й самъ не радъ,—такий витребенькуватий—»Ти, « каже, »гостя повиненъ добре шанувати, а въ тебе й борщъ не гарячий (а зъ борщу ажъ пара йде); и каша зъ мишатиною, и лѣжка погрізена и миска зъ діркою.« Не зтїмися, якъ виїєшъ, а клянѣця, що вітекло; сїплешъ другу, а друга течє ще гіршъ. Де вінъ те все містивъ—Богъ єго святий знає,—тїльки самому не дасть и попоїсти за своїми вигадками.

— А що, въ тебе є чимъ пельку розмочити?

Тїльки вінъ ту пельку якось чудно називавъ. Піднесешъ чарку, а вінъ тобі однѣ денцє верта.

Одного разу, здається поминки були, люцівъ такі чимало зібралось, и вінъ; дакъ до того припало, що зъ кўхличка частувались. Дві чарочки такихъ гарненькихъ жінка купїла на місті, умїсне на той день, дакъ ще не обпєсли дє-котрихъ, якъ ні одноєї не стало. Чують—хрумтїть щось у москаля въ рѣті.

— Що ти оце їси? — спитала дїдина.

— Хрїнь, — каже. (Покійникъ хрїнь любивъ).

Такъ—таки обидві й поївъ. Да чи то єму одїнь разъ и одні чарки їсти? До нѣчи не перекажешъ усього.

Въ кнїжкахъ бувъ тємний чоловікъ, такъ якъ би оце й ми грїшні, а все знавъ, що й якъ на небї; и звїдки той місяць узївся, и чогѣ небо блакїтне, и на якихъ зѣряхъ які дўши живуть, и що тамъ дїєця зъ ними, и все, що ні загадаєшъ, усе знавъ, усе вмїв, усе творїв, усюде бувъ и все бачивъ,—такийто вже пройдисвітъ. Де вінъ то тєпре повертається? мо на якій зорї, а мо дїтей колиха, бо — казавъ—оженитця, якъ найде жінгу до сподоби; тоді єму рѣківъ до тридцїтка було та мабуть уже стїлїжъ, якъ вийшовъ зъ полкомъ: то—то жалю було! Усе село проводило. Я єго до самага гѣрода вїзъ.

Гѣдївъ три, чи й бїльшъ, усе тїльки й розговѣру, що про єго. Сміємось, було, зъ Остапа Мєтеля, якъ вінъ єго двїчі одурївъ, да такъ одурївъ, що самому найстаршому въ пєклї не одурїть хрещєного чоловіка. Кирило, грїхъ казати, не бувъ злѣдїй, такъ, щобъ що нїшкомъ підцупити та й нїшкомъ збўти. Ні, а коли кравъ, дакъ кравъ въ очевїдячки,—туманѣмъ бравъ. На що Остапъ,—цїрство небєсне,—бувъ голова—чоловїкъ й багачъ на все село, й то-

го двічі на сотню карбіванців одуривъ. Про це я хочу вамъ розказати.

Кирило, кажучи, бувъ не злодій, и Боже бороні, щобъ вінъ обидивъ бідного чоловіка, й товаришівъ своїхъ трімавъ у рукахъ: »Ти«, каже, »коли хочешъ уже гріхъ на душу прийняти, то стережись багатого чоловіка: ёго незобидишь колесомъ або поросямъ; а бідний на те колесо побивається тиждень, чи й більшъ: то покваниця на бідного,—вікажу.« И такі такъ, що й не чути було, щобъ де-хто виходивъ, а мало не рікъ стояли. Правдивий бувъ чоловікъ, не зъ тихъ, що »очи наглінуть, то й руки достануть;« а такъ, кажучи: заможнёго чоловіка, то іноді й підьість карбіванцівъ на кілька, и самъ же заразъ вікаже: »я« каже, »не злодій и не кравъ, а вчивъ и за науку бравъ. Тому не трібні гроші, до кого миръ хоробший.« И отакечки добрий часъ буде вамъ виводити, що вінъ не така людина, котра, якъ вінъ казавъ, »очима зємлю ість.« Вінъ оце що покладє зробить, то усімъ и розкаже. Кожного разу, було, Остапу Метелю допікає, що вінъ неучений и що ёму дурницею не обійдетця ёго наука: »Багатій да озирайся: чужій пить, чужа й сорочка суше;« и кінчить тимъ, що самъ нахваляється пошкодити. А Остапъ слуха да люлька смокче,—живавъ небожъ. »Я самъ на рікъ по тречі до Києва їзду,—менє не одурить; знаю усі ваші хитроці!« одкаже ёму, да такъ и розійдуться.

Дакъ ось же слухайте, якъ одуривъ.

Отб, одного разу прокинувся Остапъ и вийшовъ на двіръ. Уже такъ почало на світъ благословитьця; коли чує, щось оха,—прислухується, ажъ у лєху, да такъ важко оха, що вінъ ажъ злякався; до лєху, ажъ ляда відчинена и чужа драбина приставлена, а въ середині, звісно, тємно, нічого не вглєдишь, тільки чути, що оха. Остапъ якъ ставъ, такъ и охолбъ, да вже свіженький вітерець довівъ ёго до розуму; и хоче, и боїтця обізвати; далі повернувъ у хату та до жінки:

— А вставай лишень!

— Ще, каже, рано. Дай одінъ сонъ перележу.

— Вставай, каже, бо на дворі лиха година скоїлась.

— Дощъ, чи що?—питається.

— Та не дощъ! Уставай! Якійсь гаспидъ у лєху сидить.

Жінка схопілась, чимъ—дужъ нахопіла свитанку, засвітила ка-

гапéць, идé и трéситця. Прийшли у двохъ, поста́ли бі́ля двере́ць, и не зна́ють, що́ каза́ти. (А лéхъ—зна́ете, якъ у насъ ро́блять? ви́копають ї́му, обста́влять її́ дере́вомъ та оче́рета́мъ, зро́блять ве́рхъ та й заки́дають то́й ве́рхъ зе́млею, а посере́дині́ зоста́вляють ді́рку на лéду. Ко́лись, то й не за́піра́ли та́кихъ лéхівъ; неда́вно се пове́ло́сь, и то́ у де́-котрихъ ті́льки). Ото́ вони́ поста́ли бі́ля ті́хъ двере́ць, та й трéситця обо́е. У жі́нкі́ й кага́нець изъ ру́къ ви́поренувъ та въ ді́рку й шу́рхну́въ; а въ се́редині́ о́ха та й о́ха.

— Хто тамъ у лéху? — въ—півго́лоса спи́тавъ Оста́пъ.

Не озива́ється

— Хто тамъ?—у—дру́ге спи́тавъ.

Мовчи́ть. Оста́пъ й оні́мивъ. Лі́зти бо́їтця: уся́къ бува́! дума́, мо́ печі́ста си́ла підво́де на лі́хо.

— А озови́сь ще́ разъ, — ка́же жі́нка. — Се, ма́бутъ, зло́дій: о́сь й дра́бина чу́жа.

— Хто та́кий о́ха? ка́жи!

Ко́ли й чу́тно немóвъ изъ моги́ли та́кий стра́шний го́лосъ:

— Щобъ то́бі́ уста́ за́ціпи́ло, щобъ то́бі́ до́бра не бу́ло! На́що на́-ні́чъ ки́даєшъ розді́яплений ве́рхъ?

— Да се ма́бутъ чи́ не Ки́рило!—озва́лась жі́нка.—Ки́рило, се ти?

— Не я́кій би́сь! охъ, охъ!

— Що́ се зъ то́бю́ ста́лось, чо́го се ти утере́бився въ лéхъ?

— Щобъ то́бі́ тере́би́ло т́ри дні́ и т́ри но́чі́ оті́ ру́ки, що́ не зна́ють сво́го ді́ла! И де́ се ви́дано ки́дате́ на́ні́чъ та́къ лéхъ? Те́пер що́ хо́чъ ро́би́, хо́чъ у до́мови́ну клади́!—Лéдві́ до́мовивъ Ки́рило—и зно́въ поча́въ сто́гна́ть: та́къ-то ё́му б́ъ то́ ва́жко!

— Та́жъ по́грі́бъ бу́въ за́чинений! Отъ́ щобъ я́ не ди́ждала́ сві́та Бо́жого ба́чить, ко́ли не сво́їми ру́ка́ми за́чиня́ла! Я́ жъ та́ки вчо́ра не п'я́на бу́ла, ще́ па́м'ятаю́ — однесла́ горщечо́къ сме́танки па́рово́ї, ви́лі́зла, за́чинила́, та ще́ й підо́швою при́давила́, щобъ при́сі́ло.

А Оста́пъ роска́зувавъ ще́ споча́тку: вінъ та́ки та́къ и дума́въ, що́ підво́де кана́льський моска́ль; да́къ же о́пі́сля, якъ ви́йняли ё́го, да́къ на ё́му лпця́ не ви́дно,—та́кий ста́въ.

— А лі́зь, Оста́пе, до́ ё́го,—ка́же жі́нка.

Полі́зь Оста́пъ, де́лі́ й вона́ зъ дру́гимъ кага́нцемъ. Ди́вля́тця,—ле́жить Ки́рило и по́га въ ё́го не́на́че ви́ломлена́, и не зве́дётся са́мъ. Розди́вляютьця́, ажъ и то́го не́ма́, и то́го не́ма́, и ма́кі́три

зъ масломъ нема и баріло горілки винято, и горщечокъ, що бувъ зъ сметаною паровію, розлуплений лежить.

— Оце,—каже жінка,—зłodі по́рались.

А Останъ руки сціпивъ та тільки плечіма ворухить, такъ-то ёму чудно: »И обікрадено,« дума »и москаль лежить! Вже жъ би, якъ би вінъ самъ господарювавъ отутечки, то хочъ би ноги цілі були, або хочъ би втікъ, оголивши лѣхъ... И розуму не приберешъ! Мабуть такъ, що хтось оце обікравъ та на друге ліхо й ляду покинувъ. Вісадили того москаля якомсь на верхъ, а вінъ пробі: »Вези до лазарѣта, або въ штабъ повковий! Ти«, каже, »брешешъ, що тебе обікрадено! Брехнею не відбудеся, а поставишъ москаля на свій коштъ, або самъ підешъ; бо зъ мене тепре якъ зъ бика молока, а мені ще 15 літъ добувати! Удру́ге будешъ зачинить...

Да якъ зачавъ, якъ зачавъ, дакъ у бідного Остана и ноги не стоять.

Жінка божитця, клянѣтця, що сама заперла, дакъ ні: москаль ій віри не йме; а самъ зробівся мовъ зъ вѣску. Унеслі ёго до хати, Останъ тупає біля ёго, Останиха тожъ.

— Що жъ,—каже,—будемо оцѣ робіти?

— Ужѣжъ, одказує москаль,—та не байдики битъ. Не гай ча-су, запрягай.

И все ляка, що »приплатися,« а въ страхъ, звісно, очі великі. Остану здавалося, що ёго вже на шибеницю ведуть.

— Я, каже, усімъ тобі раднісінський допомогти, тільки не їдь до лазарѣту; корова́тиму тебе самъ; повітового лікара привезу.

А москаль ні на що не згоджується, тільки й слова, що *веди*.

— Я тобі, каже, й грішми... тільки мовчи.

Москаль якъ розлютується: »що ти мені зъ своїми грошіма! у мене своїхъ нігде подіть.« Делі такъ би то й притіхшавъ: »Хіба я твоїхъ 50 карбіванцівъ не бачивъ? мені ноги не купить за все твоє добро.

— Да воно такъ-таки такъ, ваше благородіє, а розсудить самі, поздоровъ Боже васъ, чимъ я тутъ віненъ?

Да якъ почавъ благати зъ жінкою! дакъ такі скінчивъ,—якъ би ви думали, на скількохъ? на шестидесяти и пяти карбіванцівъ и відрі гарілки! Заразъ и за могоричѣмъ пославъ дівчину, та ще й заказавъ ій, щобъ нігдѣ а ні цвірінькнула про цю оказію. Делі такъ ёго той бстрахъ взявъ, що завернувъ дівчину и самъ сходівъ.

Отó вони випили, закусили чимъ Богъ пославъ, умóвились, щобъ казати: на перелазі бѣ то нóгу вѣвернувъ. Остáпъ запрігъ волівъ, зсадивъ ёго на візъ та й одвізъ на кватиру. А вінъ, бісівъ синъ, приставивсь; самъ ёго обікравъ зъ товаришемъ, товаришъ той попереносивъ усё въ свою схóванку, а вінъ не удовольнився тиєю поживою, та й зостáвся въ лѣху! »Не хóчетця,« каже, »пíшки йти до дóму, я тутъ заночую, а вранці, мóже, менé Остáпъ підвезé до дóму.« Дакъ отъ же такъ и трапи́лось, якъ казавъ.

Щó бѣ же ви думали? се ще не кінéць, якъ-то ка́жуть, «се ще тільки при́казка, а ка́зка впереді». Ось слухáйте, щó далі.— Тó-то сміху бу́ло! Алé перше да́йте докаж́у.

Забравъ москаль грóші, и не те щобъ ма́ло ёму тíхъ грóшей бу́ло, а такъ—»ще«, каже, »недоучений Остáпъ, то тра довчи́ти«.

Нагледівъ вінъ у Остáповихъ сiняхъ сáло,—тоді якъ вивóдили ёго сажáть би то въ дорóгу; оскóма взя́ла дияволового сiна. »Не я б́уду« д́ума, »ко́ли те сáло да ти въ мéне не ќупишъ.« И то́гóжъ та́кий дня у вéчері я́кось укрався въ сiни, злізъ на ко́бру, а у прóстого чоло́віка, звiсно, нема́ стéли въ сiняхъ, дакъ злізъ, каж́у, на ко́бру, ви́ждавъ, якъ усi полягáли та посну́ли пёрвимъ сномъ,—а пёрвий сонъ то сáмий найми́цниший,—скарáбався по лáтамъ та по ключiнамъ до то́го сáла; а воно́ бу́ло у сáмому вершéчку до крóквi причéплене вiрёвкою. Вінъ ту вiрёвку но́жёмъ, сáло й бебéхнуло на зéмлю. И духъ ёго святи́й зна́е, якъ воно́ не розсiлось! Трóхи зго́домъ бáче, щó въ хатi тiхо, мовъ по-мёрли—такъ сплять, злізъ до дóлу, прочини́въ двéри и ви́котивъ те сáло на двiръ, а за со́бою зачини́въ якъ слiдъ сiни. До сáла, щóбъ пiднять, дакъ не подóжа; вінъ тоді ёго відкати́въ ажъ до лiси, та й пiшовъ пiдъ хáту; знавъ, де Остáпъ спить,—у те вiкно й почáвъ ст́укать.

— Остáпъ, а Остáпъ! чуешъ? Остáпъ!
И всé ст́ука у шiбку.

Остáпъ озвáвся.

— А одягнiсь лишень та вийди сю́ди.

— А щó тамъ такé? чи не пóраетця хто зновъ у лѣху?

— Ось вийди лишень,—побáчишъ.

Остáпъ вийшовъ.

— А щó ногá? пита́етця.

— Та ледві хожу! (и умисне кульгає)—а тутъ якъ на той часъ, звеліли сáло переноситъ на рóтний двіръ.»

— Якé сáло?»

— Купили москалямъ игъ прázнику, та йродову грéблю прор-
ва́ла вода, и вози́ тамъ позастрява́ли, дакъ оцé ка́зано переносити;
а ти самъ зна́єшъ, якá те́пер мой сýла; тамъ ма́буть пудівъ зъ
пять е, а я самъ себе ледві ношú.

— Торі́къ полагóдили, та й прорвало? та ма́буть ти брéшешъ?

— Щобъ я до східъ-сонця світу не побáчивъ, коли́ я хотъ
на стілечко збрéхавъ!

И показавъ на пúцці крiшечку.

А Остапъ зъ просбiня не дослúхавъ, якъ той клянéтця, та й
вiрить.

— Яка жъ моя порáда бúде?—пита́.

— Купи́.»

— Нави́що воно́ мені? у мене́ своє́ ціле.

— Дру́ге бúде.

— Да отвасни́сь! щó ти оцé, мовъ той пришелéпуватий, скар-
бовé сáло продаєшъ? та зъ те́бе шкúру здiймуть, а мене́ туди́ за-
пруть, де й горобцi не плóдятця.

— Цить, цить! я то знаю, щó роблю. У насъ е зáйве, трóхи
гиршенъке, та дарма. Нiчóго не бiйся, купи́й, подивись якé...»

— Да хочъ бi воно́ бу́ло переякé, а я ёго́ й дúрно не озмú.

— Да́къ на́ що жъ я ёго́ носiвъ? хiба щобъ отúтечки тiльки
зъ тобóю побалáкать?

— А хiба́ я тебé прохавъ? звичáйне дiло, ти самъ причiна.»

— Ну, якъ хочъ, да́къ неси́ жъ самъ на рóтний двiръ,—а я
не донесú.

— Далéго... остiне несучи́... гмъ! Да́къ якъ же оцé? и прода-
éшъ, и на рóтний двiръ... тутъ щось да не такъ.!

— Кажú тобi, коли́ купи́шъ, е чiмъ обмiнiть. Да щó зъ тобóю
балáкать! коли́ ка́жуть—неси́, да́къ неси́.

— Лúчче однесú, а купи́ть не куплю. Пiдда́й.»

Москаль пiдда́въ.

— Важкé бiсове сáло, Гóсподи мене́ прости́! ма́буть такъ, що
й моé понесé на терезáхъ.»

— Менi нiчóго бу́ло брехáть: казавъ тобi, що такóго сáла ти
й до вiку не iстимешъ.

Да вже не умію вамъ сказать, чи москаль такъ уже розохотивъ, чи Остапъ почувся, що така вага ёму не підъ силу, тільки дійшли вони до воріть, Остапъ осадивъ сáло на ворітницю та й каже:

— Чудно воно якось оце у ночі сало купувати.

— Тимъ чудно, що вперше,—одказує Москаль.

— А що за ёго?

— На старе? (тоді якъ—разъ грóші обновлялись).

— Кажі!

— Двана́дцять.

— Дев'ять.

— Ламанимъ шагóмъ меншъ не озьму́.

— Десять.

— Этъ! тільки часъ гáешъ. Коли́ взявся за ву́жъ, то не кажі, що́ не дужъ.

Вразкий москаль якъ тільки помітивъ, що у то́го зашиба́е охóта купіть, да́къ за́разъ не тимъ и го́лосомъ почавъ.

— Бері́ одина́дцять!—каже Остапъ.

— Несі́, несі́!

— Ході́мъ до хáти.

— Да тільки хутчі́й шука́й грóшей, бо мені́ багáто ще ді́ла:—тре́ба дірку ла́годить.

— За́разъ, за́разъ. А мого́ричъ за́втра?

— За́втра.

Оде́шнув Остапъ ко́мору, вийня́в грóші, одлі́чивъ 12. Москаль ще й жалку́є, що де́шево прода́въ.

— Ти, ка́же, хочъ б́и ко́пу набáвивъ.»

— Ні́, ка́же. Лúче за́втра на обі́дъ прихóдь варéниківъ їсти.

Такъ отó вони́ и розійшли́сь—Остапъ до хáти, а москаль у шинóкъ.

— Де се ти бувъ?—пита́є жінка—зві́ря тю́кавъ?

— Натю́кавъ тако́го зві́ря, що то́бі й ба́чить не доводило́сь.—Та спи, за́втра почу́єшъ.

Посну́ли вони́ собі.

Вста́ла жінка до корівъ, шука́ ді́йниці, ажъ ба́че—у с́няхъ бі́ля стúпи сáло; вона́ гулькъ у-верхъ—нема́ сáла. »Оце́ жъ«, дúма, »оді́рва́лось, да́къ вінъ (то б́ъ то чолов́икъ) одверну́в ёго́ къ стú-

пі. « І байдуже собі, немовъ такъ и треба. Отó подоіла корівъ, ухóде въ хату, а чоловікъ ще на лаві лежить и протирає очі.

— Бачила сáло?

— Бачила; треба, ма́бутъ, на ёго ми́цнішу вірѣвку.

— А ва́жке сáло?

— Авже́ жъ ва́жке.

— Щó жъ ти не пита́ешъ, скі́льки давъ?

Жінка й очі ві́тришила.

— Де́сь ти, — ка́же, — не ви́спавсь?

— Да та́кий й не ви́спавсь. Да́къ га́рне сáло?

— Ти не́на́че ма́ла дити́на: якъ ти́їжъ да́къ ти́їжъ.

А чоловікъ дума: »Му́се бу́ти дого́дівъ, ко́лі не пита́е, а мо́же ба́чила Ки́рила, да́къ пере́казавъ.«

— А щó, то́бі Ки́рило ні́чо́го не ка́завъ?

— Я́кій Ки́рило? моска́ль?

— Э́ге!

— Де́жъ би я ё́го ба́чила? А хі́ба щó?

— Се ё́го сáло.

— Я́ге?

— Щó бі́ля сту́пи.

— Хі́ба ти подару́вавъ?

— За двана́дцять.

— Чи ти зду́ривъ? а ми щó бу́демъ істи? го́дованого каба́на нема́, а тако́го са́ла не кúпи́шъ за та́кі гро́ші.«

И ма́бутъ отта́къ би вони́ до обі́дъ бала́кали, не розу́мючи одно́ дру́гого — да́къ убі́гла дівчи́на и ка́же:

— Ма́мо, са́ла нема́: хтось укравъ.

— Ні, до́ню, то воно́ віді́рвало́сь; бі́жі поди́вися, — та́мъ бі́ля сту́пи.

И ма́ле, звісно, побі́гло диві́тьця.

— Я́ке сáло оді́рвало́сь? — пита́е Оста́пъ, диву́ючись.

— Ти вже й забу́въ, що ні́чу робивъ? И́ді, поди́вися, то й по ба́чишъ.

Вийшовъ Оста́пъ, и вго́ру диві́тця и на сáло диві́тця, да тільки очі́ма блі́ма; де́лі уда́ривсь рука́ми объ по́ли: »Щó жъ о́це я наробі́въ, ка́же: сво́є сáло куні́въ? Верну́сь у хату́ та до жі́нкі: Бий же мене́ тепе́рь, жі́нко, усі́мъ бий: кача́лкою, рога́чемъ, ку́лака́ми, горш́ка́ми...« И якъ поча́въ... А въ жі́нки ажъ банькі́

повилáзили, тільки хреститця: Щó се зъ нимъ стáлось? чи не уку-
сѣла оцѣ ёго скажѣна собáка?

— Чи ти знаєшь, щó зо мною стáлось?

— Ти зъ глúзду зъїхавъ?»

— Эгé!

Жінка прожогомъ зъ хáти! дакъ вінъ ужé тамъ я́кось їй роз-
казáвъ усю причину.

— Щó тепѣрь бúдемо робѣть? питаєтця їй.

— А щó тепѣрь бúдешъ робѣть? трéба другихъ двана́дцяти щобъ
тільки мовчáвъ; бо лю́де прохóду не да́ватимуть. Отóй гáпчининъ
Гри́цикъ,—тамъ та́кий у́дливий: зáразъ учѣпитця. »Купи́ вѣ мене
свиню́, абó теля́ своє влáсне!« Сорому́ не оберемо́сь, запла́ти́ двад-
цять, хай тільки мовчи́ть.

Иде́ чоловѣкъ на моска́леву квати́ру, несе́ чоловѣкъ грóшнї пла-
ти́ть за на́уку. Пита́е на поро́зі:

— »Чи до́ма моска́ль?»

— До́ма, ка́жуть,—тільки що́ при́йшовъ; та́кий пѣ́аний, якъ
га́рїлка; підъ при́валкомъ и засну́въ.

Нема́ чо́го робѣти! верта́ Оста́пъ до до́му, ба́че—на ви́гоні зі-
бра́лись лю́де и регóчуть.

— Добри́день!

— Добри́день!—усі́ гурто́мъ сказа́ли.

— Да́къ скѣ́льки ти, Оста́пъ, за сво́є са́ло запла́ти́въ?—пита́е
оди́нъ.

Оста́пъ одра́зу побѣ́ли́въ, якъ глі́на.

— Я... та й замóвкъ.

— Шинка́рко! о, шинка́рко! да́къ скѣ́льки?« гука́е други́й до шин-
ка́рки.

— Да ка́завъ би́ то двана́дцять и мого́ри́чь се́годня.»

— Зови́ на мого́ри́чь ка́же трѣ́тій:—та́кий мого́ри́чь зрóду у
пе́рше!

— А скѣ́льки ти ёму́ запла́ти́въ за те́, що́ попо́рядкува́въ у те́бе
вѣ́ лѣху́?

— Якъ? пита́; а самъ ажъ—не те́ що́ глі́на, а—бі́ліший ще
ста́въ.

Такъ и такъ розка́зують ёму́.

— Тепе́рь, каза́въ Кири́ло, и ти уче́ний.

Такий то бувъ той Кири́ло, нехай царству́е, коли ёго́ землі́ приня́ла, и живе́ та хлі́бъ—сі́ль жу́е, коли́ ще де́ржитця на сві́ті; а дру́гимъ ра́зомъ мо́ ще що́ згада́ю про ёго́.

А. Яценко.

То про се, то проте.

Охри́мъ Семенови́чъ Плахти́й, чолові́къ поваже́ний и пи́сьменний, що́ неді́лі ходи́ть до церкви́, на криласі́ читае́ и голосо́мъ дяко́ві під-тягае́, а ин коли́ то се́редь церкви́ й апо́стола у́тне. Тимъ ёго́ вь насъ́ не зву́ть просто́ Охри́момъ, а велича́ють по ба́тюсьці́ Семенови́чъ. При́йшовши Охри́мъ Семенови́чъ відъ́ служби́ Божо́ї, пообі́давши со́бі мо́бенько́, взявся́ до Псалти́ря и вже́ дочита́всь, »якъ́ тін на́ колесни́цяхъ и тін на́ коняхъ« коли́ йде́ бли́зкий ёго́́ сусі́дъ Ониско́:

— Бо́же помо́жи, сь́ празни́комъ́ будте́ здоро́ві.

— Спа́сибі́. Будь́ и ти́ здоро́въ, сі́дай у́ насъ́.

— Дя́кую; нехай́ сі́дае́ вь́ васъ́ усе́ до́бре. А́ подиві́ця, Семенови́чу, яка́́ буде́ у́ насъ́ се́го́ ро́ку масни́ця, во́сьма чи́ де́вята?

Розго́рниувъ́ Семенови́чъ́ святи́ці, подиви́вся та́ й ка́же:

— Ні́, се́ма.

— Якъ́ то? хи́ба вели́кого́ посту́́ буде́́ більш́ъ, якъ́́ сі́мъ неді́ль?

— Ні́, сі́мъ́ рівно́.

— Э́ге, а́ коли́ жъ́́ буде́́ теплагó́ Олесе́й?

— А́ ось́ побачи́мо.

Подиви́вся зно́ву та́ й ка́же:

— У́ се́редохресну́ неді́лю.

— Ну́, до́бре. А́ вь́ який́ же́ де́нь при́пада вели́кдень?

— О́то чу́дасія́! обі́ззався́ смію́чись Семенови́чъ.—У́ неді́лю!

— Якъ́-то́ у́ неді́лю? А́дже́ се́й рі́къ ви́соко́сь?

— Ну́, такъ́́ що́́ жъ́?

— А́ те,́ що́́ мабу́ть не́ при́детця́ вь́ неді́лю, а́ хи́ба вь́ поне-ді́локъ.

— Э! ні вже, брате! Якъ не припада у середу вшестя (*), а въ четвергъ, такъ-такъ и великдень все буде въ неділю.

— Эге, бачъ! А баба Пузарка казала, що у понеділокъ; та я й самъ такъ думавъ. Ну, а чогожъ то такъ, що Різдво буває у сеі-реду и въ п'ятницю?

— То инше діло. Воно, бачъ, виходить зъ дня, а зъ числа не виходить; а великдень и вшестя виходють зъ числа, а зъ дня ні. Великдень що-року все буває въ неділю, а вшестя у четвергъ, и пасхалія такъ показує.

— Эге онъ якъ, а скажіть же здіайте милость, на Різдвянихъ святкахъ дякъ читавъ мині гісторію про прекрасного Ёсина, и про тіхъ що на місяці одинъ другого трима на вилахъ, та я ніякъ въ новкъ собі не возьму, хтожъ тані кого убивъ, чи Кавель!!! Кавеля!! чи Кавеля! Кавель?

— Та вже хто кого убивъ, то убивъ, аби убивъ, — а ходімо лишъ до корчми, та подивимось що тамъ діється.

— А якъ ходимо,—то й ходимо.

Може, люде добри, ще хто зъ васъ небувъ у нашому краю и незна нашого звичаю; ось я вамъ заразъ розкажу. — Шо Божої неділі чи празника, після обіду, хлопці та дівчата сходютьця до корчми оптанцювать, а хозяйни и жінкі збираютьця на їхъ подивитись, та побалакать де очімъ, а підъ часъ и чарку горілки випить.

Отъ зібралось біля корчми людей вже чи мало, музикі грають, а парубокъ зъ дівкою танцює та приговарює: Грай риби дамъ! а старійші люлькі запаливши, посідали собі на присні та й балакають.

— Ні вже мабуть нікому такъ неграплялось, якъ мині у ту неділю, почавъ Омелько.

— Якъ що запитали ёго?

— А ось слухайте: поїхавъ я до торгу, — и вже трохи що недоїхавъ до города, коли наздогана мене якась жінка, и несе за плечима чи малий кошіль, тай каже: дядьку голубчику підвези мині будь ласкавъ кошіля, ходила по гриби, та дуже утомилась, я тобі за те що небудь перекину; — а що даси? каже чотирі шаги, добре й то думаю собі, а вона вража баба, достала заразъ єь кішені гроши та й дала, поставила на возъ кошіль та йде собі зъ заду, а далі и

(*) Вознесєніє.

шмигнула чогось на бік; а я тимъ часомъ наздогнавъ Панька Шерену—здоровъ бувъ! здоровъ каже,—а нумъ—іхать разомъ? ідмо каже Панько; отъ ідмо собі та балакаємо, коли озирнувся невидно моєї жінки, ну думаю собі ще наздожене; ідмо вже й городомъ а її ще не видно, розказую проте Паньку, а вінъ и отповіда, небійся свого не покине: отъ приїхали вже й на базаръ и стали въ ряду а баби немає, а ну подивлюся які тамъ гриби, а кошіль накритий ряднинкою и зав'язаний матузкомъ, коли дивлюся а тамъ манюсенька дитинка спить и соску у роті *трима*. Охъ мині лишенько, опустивъ руки та й ставъ якъ пень; а далі трохи очумавшіє и кажу Паньку: охъ біда брате; яка?—ось подивись,—а вінъ якъ глянувъ такъ и руками сплеснувъ, а далі трошки зъ годомъ и говоре — ну вжежъ мовчи, накрій и зав'язи якъ було,—и коли ще е твое щасте, то кїдай воза та йди четъ; послухавъ я Панька, накривъ и зав'язавъ кошіль, пійшовъ ставъ підъ лавками та й дивлюсь;—а москалі такъ и *швидають* по базару якъ би що у кого зъ воза стягнути; отъ одинъ дуже бистрий москаликъ, іде просто до мого воза, покрутився, та дивитця що коло воза нема нікого и на ёго нехто не вважа, схопивъ зъ воза кошіль та й давъ тягу, а я тоді завернувъ воза та й переїхавъ геть на друге місце—и вже спродався, коли пре москаль кошіль назадъ та й питає Панька: а де той каже чоловікъ що діти продає? а Панько ёго питає, якій чоловік? а самъ ніякъ неможе *утриматися* отъ сміху, такъ вінъ небога подивився, подивився, та й потягъ назадъ, а я худчій на втікача, та вже очумався якъ опенився дома, такъ отъ яка була мині штука.

Зареготали всі а Хома й каже:

— Подякуй ще Паньку що порадивъ якъ позбутця того добра, а то булабъ тобі халепа.

— Эге ще й яка.

— А той сердека, обіззався знову Хома, мабуть теперъ що дня виносе кошіль зъ дитиною на базаръ та шукає свата.

— Добре Омелькові підхопувъ Свірідъ, що ёго москаль виратовавъ, а я такъ ледві відъ москалівъ відкрутився.

— Якъ! коли? спитавъ Охрімъ.

— А отъ тої зими, разъ у ночі узяти мене москалі, — щобъ я бачъ показовавъ їмъ дорогу, а було дуже *сковзко*,—підв'язавъ я підъ чоботи підківки тай вийшовъ, а москалівъ такого багато, вони заразъ почепили мині заплечи *тарабанъ* та й кажуть: глядижъ коли нехо-

чешъ, щобъ бувъ битий, то йди попереду; пійшовъ я а самъ думаю якъ би тутъ у світі Божему відъ їхъ відкрутитись; отъ промандрували вже веретівъ съ п'ять коли не більшъ, а тутъ ще треба й ти черезъ круту гору, потягнувъ я, миніжъ нічого, а москалі усе *сковзаються*; вилізъ я на гору та й ставъ трохи спочити, коли дивлюся, а москалі ще підъ горою, а я тоді зъ плечей той бісівъ тарабанъ, та якъ шпурну ёго підъ гору, а самъ якъ *шкрабнувъ*, такъ тільки мене й бачили, а москалі якъ гукнуть, постривай ось ми тобі дамо та замною,—але дежъ тамъ, якъ тільки якій висунетця впередъ, такъ носомъ и заоре и мабуть їхъ тоді дуже багато побилось, а я собі повернувъ у долину та у гаї нахуторі у дядька и переночувавъ; а до дому вернувся вже у вечері.

— Чортъ зна що базіка, обізався Гриць, ось послухайте що я вамъ розкажу.

— А ну, що? запитали сусіди.

— А отъ що, три чи чотирі тигодні минуло, якъ я отвозивъ зъ екомонії у городъ до панівъ индикі, качкі и усяку всячину, а тройка коней добрихъ, отъ доїхавъ до *перетикі*, спинивъ біля корчми коней—и пійшовъ виніть чарку голіркі та запалити люльку, бо свій гаманецъ згубивъ десь въ дорозі, а тутъ ще якійсь чоловікъ спитавъ куди іду,—колибъ каже подорозі тобъ попросивъ підвезти, я й кажу що іду у городъ, алежъ неможу взяти бо nebude де сісти, та й вийшовъ заразъ зъ корчми, коли дивлюсь нема коней и воза, я за корчму, туди, сюди, нема; питаю чи небачивъ хто, кажуть ні; а головка моя бідна! що мині робить, але дивлюся слідъ знати що коні потягли просто, я занима вискочивъ на гору нема, а слідъ знати, я ну бігти, споткавъ якогось чоловіка спитався чи небачивъ? а вінъ и каже, що трема кіньми недуже давно поїхали два жіда а я тоді ну ще швидче я бігти, и вже добре *змордувався*, а жідівъ невидно, але недалеко передъ мене іде поштаръ; наздогнавъ я ёго, та давъ чотирі гривні и три шаги, такъ вінъ и взявъ мене; приїхали у городъ, а жідога моїми кіньми вже вертає назадъ и на возі нема нісогісенько, я ёго й спинивъ, а тутъ ідуть два десятники я й попрочивъ їхъ, такъ вони узали жіда зъ кіньми и мене, та й *попровадили* до чесного пристава; отъ одинъ десятникъ остався зъ нами, а другій пійшовъ у канцелярію, коли трошкі зъ годомъ виходе до насъ самъ чесний приставъ та й питає: а що се? а я склонився низенько та й почавъ розказовати,—вислухавъ вінъ мене та й повівъ за собою

жіда и дуже довго ёго тамъ тримавъ, а далі вийшовъ та й каже мині підождижъ тутъ чоловіче, заразъ усе твое вернетця, та й пійшовъ назадъ, жіда пустили а коні завернули въ двіръ.—Отъ ждавъ я ждавъ, ажъ мині вже надокучило и занудило, коли йде чесний пристава та й питає мене: а що скажешъ? а я знову склонився та й кажу, я той самий Ваше благородіє, що просивъ за коні та за пропажу; а вінъ витрощивъ на мене очи, якъ затупотить ногами, та якъ грімне: коли каже ти мині говоривъ я тебе ніколи небачивъ, ти брешішъ, Э! та у тебе мабуть и коні крадени, засадить ёго въ сібірку, приказавъ та й пійшовъ додому.—А нещастежъ мое думаю собі, а тутъ вже и хватальний вийшовъ бачъ провадить мене до сібірки. Ну що тутъ мині робить, я до нёго кланяюсь та прошу: помилуйте мене пустить,—а самъ тиць ёму въ руці коповика, а вінъ подивився на мене та й каже: ні, за півкарбованця не можна ослобонити, такъ я тоді витрусивъ съ кашука остатні сімъ шагівъ та й побожівся що більше немаю; узявъ вінъ якось ті гроші та й сказавъ, ну вже нема що робить зъ тобою, їдже та швидче, та гляди щобъ не побачивъ пристава, ато запевно засаде въ сібірку; такъ я поклонився узявъ коні та поїхавъ.—Приїхавъ на базаръ, ставъ та й думаю, кудижъ теперъ їхати до пана, и вже просто до дому, а їсти такъ захотілось, що здаєця й чортабъ з'ївъ, та немаю за що купити; а переварухи, бодай імъ заціпило, такъ и зінають: та кричить свату ходи до мене гарячихъ хляківъ, а друга, та хто почне у мене книша гарячого, а одна проклята просто підъ самимъ ухомъ якъ засокоче: ходить лишень пічникі або серця за шага відріжу.—Къ почувъ я що пічника та серце, такъ такъ бы здаєця и проковтнувъ усе разомъ та-ба нема грошій, а тутъ ще й самого наче хто за серце тисне, алежъ думаю собі вже що буде то буде, а треба трохи підкинуть конямъ сіна та й їхати до пана, та тільки що ставъ бра ть зъ воза сіно, коли дивлюсь тягнетця жидівська свита. мабуть якъ утікавъ відъ чесного пристава, такъ съ переляку забувъ її на возі.—Э! стривай же ти проклята невіра, хіба вже нехто не буде купувати, ато одразу продамъ, а одинъ якійсъ и питає—а що свату продаешъ свиту?—продаю; а що за нее? п'ять карбованцівъ;—Э! трохи богата буде, возьми каже трихъ копою; ні кажу: якъ що тее, то чотирі зъ копою; а вінъ тоді: нехай же буде не потвоєму й не помоему—а побожому, бери каже чотирі рівно, сказавъ та й руку прибивъ, такъ я й отдавъ;—купивъ заразъ: оселедця, чехоню, пічівкі

серця и палиницю та й завернувъ до корчми, випивъ, зъ тої мороки, за гривенника и чотирі шаги, сівъ собі на возі, напоївъ гарненько та й поїхавъ до пана, та ще й не заїхавъ у двіръ, а панъ вже й питає:

— А що то, Грицю, ти приїхавъ зъ порожнімъ возомъ?

А я тоді и почавъ хлипаючи розказовати, а самъ усе ёму кланяюсь:—Щожъ, пане! прошу вашої милості, коли вже у самого чесного пристава та у хватальнаго нема правди, то вже гаснидъ ёго зна, де її теперъ на світі й шукать.—А панъ подивився та й каже:—Брешішъ, вражій сину, мабуть у дорозі напився горілки та зачавъ зъ кімъ лаятися та битись, а зъ воза все й постягали.—Ні, пане, кажу, не бився ні съ кімъ,—коли я кому що, або що, то нехай міні Богъ зна що... отъ що!—Щожъ, їздивъ самъ панъ до чесного пристава, а далі и зо мною, такъ щожъ: не бачивъ, каже, мене та й годі. Такъ панъ намъявъ-намъявъ міні чуприну та й заграбовавъ волика! Такъ отъ яка теперъ у світі правда...

— Ну вже, обізвався Панасъ, що панъ заграбовавъ, то нехай такъ и буде, а тожъ самъ чесний приставъ, промінявъ християнську душу на пархатого жіда.

— Та що тутъ довго балакати, сказавъ Хома, коли я самъ бачивъ у Капунівці на ярмарку хватального перехреста, а вже зъ такого чоловіка—що буде добре, коли вінъ зъ того тільки й слуге, щобъ зъ насъ гроші обдірати.

— Та цуръ їмъ, тимъ чеснимъ приставамъ и хватальнимъ, заговоривъ старий Охрімъ: нехай вони собі здорови будуть, та насъ дурнівъ учать, якъ треба на світі жити; алежъ здаєця часъ вечеряти,—ходіте хлопці до дому.

Отъ піднялись, попрощались одинъ зъ другімъ—та й пішли коженъ своєю дорогою.

Одиръ Вілшанський.